

• АЛЕКСАНДРА ЛИСИНА •

ВИЛЬГЕЛЬМ

ПРОКЛЯТИЕ
СААНА

Александра Лисина
Вильгельм. Проклятие Саана

Серия «Мир Трех богов»
Серия «Вильгельм», книга 2
Серия «Фантастические
миры Александры Лисиной»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70358740

Вильгельм. Проклятие Саана : [роман] / Александра Лисина: АСТ;

Москва; 2024

ISBN 978-5-17-155811-6

Аннотация

Проклятие – штука сложная, загадочная и малоизученная. Божественное проклятие – до крайности опасная и практически неуничтожимая вещь, существование которой является угрозой для всего мира. Однако лично для меня это скорее благо, потому что исключительно благодаря проклятию я не только жив, но и упорно иду к своей цели, важность которой способен осознать лишь бессмертный.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	28
Глава 3	51
Глава 4	70
Глава 5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

**Александра Лисина
Вильгельм.
Проклятие Саана**

© А. Лисина, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

Люблю препарировать мертвых. Лежат себе спокойно, помалкивают. Когда нужно, сами инструменты подают...

– Ну, и как твои успехи? – поинтересовался внезапно материализовавшийся в воздухе Мор.

Хм. Неужели уже вечер? Раньше он бы точно не появился.

– Ничего не понимаю, – со вздохом признался я, вкладывая в протянутую руку изучаемого образца узкий длинный нож. – Мозги и у мертвых, и у живых по структуре абсолютно одинаковые. Но при этом одни работают, а другие нет. И я до сих пор не могу понять, в чем дело.

Препарируемый зомби спокойно положил нож на стол рядом с собой и снова замер, позволяя мне безвозбранно копаться в своей черепушке. Но на сегодня я почти закончил – осталось только запихнуть мозги обратно, вернуть на место выпиленную кость, смазать ее экспериментальным составом под номером сто шесть и прикрыть всю эту красоту кожей, чтобы побыстрее зажило.

– Может, тебе пора переходить на живых? – предположил Мор, когда я принялся вытирать чистой тряпицей руки и жестом отправил зомби обратно в подвал, откуда его недавно взял.

Я качнул головой.

– Живыми Гнор занимается. У него там даже какой-то

прорыв намечается, но сам знаешь, как нервно он относится к вмешательству в свои дела.

– По-моему, он слишком много на себя берет.

– Он умеет хорошо работать, – возразил я, откладывая грязную тряпку в сторону. – А еще он кровно заинтересован в результатах нашего совместного труда, так что подгонять его не нужно.

– Само собой, он заинтересован. Ему скоро на кладбище отправляться. Сколько вы уже экспериментируете? Лет десять?

– Десять лет четыре месяца и два дня. Старик уже стар, ты прав, но именно поэтому он из кожи вон вывернется, чтобы закончить работу как можно скорее.

– А-а-а! – вдруг донеслось из подвала радостное. – Я его нашел! Нашел!

Я вопросительно приподнял одну бровь, а призрак, прежде чем стать невидимым, скептически хмыкнул.

– Да неужели?

– Вот! – выдохнул показавшийся в проеме отчетливо запыхавшийся старик и любовно прижал к груди склянку с каким-то раствором. – Мой воскрешательный эликсир... мое сокровище... он наконец-то готов!

Ну, вот. Что я говорил? Личная заинтересованность способна принести гораздо больше пользы, нежели труд из-под палки.

Выглядел Гнор, конечно, неважно – резко постаревший,

сильно исхудавший, со впалыми щеками и лихорадочно блестящими глазами, в которых горели фанатичные огоньки. Но именно фанатизм и неистовое желание жить делали его таким хорошим помощником и заставляли на протяжении многих лет искать ответы на мои вопросы, не отвлекаясь ни на что иное.

– Я его нашел! – с гордостью повторил Гнор, по-прежнему сжимая в руках колбу. – Три тысячи восемьдесят восемь крыс, шестнадцать кошек и десять собак благополучно воскресли благодаря моему величайшему изобретению. Я их травил, рубил, кромсал... А они все равно живые! При этом все их реакции остаются на прежнем уровне, а некоторые и превышают средние показатели для своего вида. У них даже инстинкты сохранены, понимаешь?! А значит, я нашел нужный состав, и теперь настала пора испытать его на человеке!

– Хорошая новость, – спокойно ответил я. – Сходи в хранилище и подбери себе подопытного.

– Нет! – тревожно дернулся Гнор и еще сильнее прижал к груди склянку. – Это мое открытие! Моя работа! Мой эликсир! А значит, именно я должен первым обрести бессмертие!

Вот уж когда скептический настрой призрака передался и мне.

– А если ты ошибся?

– Я не могу ошибиться! – взвизгнул старик, и его руки отчетливо затряслись.

В и без того горящих глазах зажглись совсем уж безумные

огоньки, а скрюченные пальцы сжались, словно я прямо сейчас собирался вырвать у него драгоценную колбу и украсть плоды его многолетнего труда.

Ну, да, помощничек мне достался не самый покладистый. Гнор был по-стариковски упрям, себялюбив, невероятно тщеславен и до крайности подозрителен, поэтому с самого начала настоял, чтобы ему выделили отдельное помещение. Там он не только работал в полном одиночестве, но и жил, а также вел подробные записи, которые, разумеется, тщательно прятал.

При этом любую помощь Гнор отвергал, а чужие идеи и предположения никогда не принимал на веру. Сначала ему надо было все по сто раз изучить, проверить, испробовать на зуб, разобрать по косточкам. И только убедившись, что идея действительно работает, он соглашался ее применить.

Надо ли говорить, что свои собственные исследования он дублировал и бесконечно перепроверял, чтобы быть абсолютно уверенным в результате. С таким подходом вероятность ошибки и впрямь невелика. Но все же применять на себе непроверенный эликсир было чревато, поэтому я предпочел бы, чтобы первым его принял кто-то другой.

– Нет! – отпрянул старик, когда я повторил свое предложение. – Он абсолютно надежен! И я это докажу!

Его лицо стало совсем нехорошим. Он замер, словно на что-то решаясь, после чего взмахнул рукой с драгоценной склянкой, вырвал из горлышка тугую пробку и быстрым дви-

жением опрокинул содержимое склянки в себя. После чего с полубезумной улыбкой выхватил из-за пазухи острый нож и с торжествующим воплем всадил его себе в грудь.

Шмяк!

Дряхлое старческое тело с грохнулось о каменный пол и забилося в конвульсиях. Опустевшая склянка с жалобным звоном разбилась. На губах Гнора появилась белая пена вперемешку с кровью. Несколько секунд он что-то еще бессвязно хрипел, закатив глаза и царапая ногтями торчащую из груди рукоятку. А потом так же внезапно вытянулся и благополучно помер, заставив нас с Мором синхронно вздохнуть.

Глава 1

– Старый дурак, – кратко охарактеризовал умственные способности Гнора призрак, когда стало ясно, что тот действительно мертв. – Совсем из ума выжил. На твоём месте я не стал бы его воскрешать.

– Эликсир-то он уже выпил, – напомнил я материализовавшейся тени. – Нам осталось только дождаться результатов.

Мор на это ничего не сказал. А я коротко свистнул и отступил в сторону, когда в пещеру изо всех щелей полезли многочисленные костяные паучки. Тихие, ловкие, почти незаметные, они с ходу окружили ещё теплое тело и, подхватив, совместными усилиями приподняли его над полом. А затем проворно утащили в темноту, оставив после себя только большую красную лужу.

Ещё одна партия пауков тут же принялась наводить порядок. Кровь они шустро вытерли, осколки убрали. Заодно мои инструменты помыли, заново отполировали и аккуратно сложили на специальный стол. Так что всего через пять минут в лаборатории стало так чисто, словно её вообще никогда не использовали.

Замечательные создания эти скелеты.

Я начал работать над ними ещё в Дамане. Там же довел эту методику до ума, кое-что со временем усовершенство-

вал, поэтому теперь в моем распоряжении имелась целая армия помощников, которые охотно делали все то, чем я не считал нужным заниматься. Они же выгрызли в горе кучу дополнительных помещений, поэтому вместо старой пещеры здесь теперь образовалась целая сеть тоннелей, несколько подземных этажей и множество комнат, которые мы с Гнором успели за эти годы хорошо обжить.

В его лаборатории тоже было довольно просторно, однако, в отличие от моей, уборщиков, да и вообще посторонних он туда не пускал. Здесь же он предпочитал есть, спать, думать. И, будучи не самым опрятным существом, умудрился превратить большую часть выделенных ему помещений в настоящий свинарник. При этом Гнор искренне верил, что достоин самого лучшего. Не скромничал, когда составлял список нужного ему оборудования. А поскольку от его успеха зависели и мои планы, то теперь в его лаборатории стояла сложная система увеличительных стекол, позволяющих изучать даже очень мелкие объекты при большом приближении, магические выпариватели, смесители, всевозможные артефакты и прочие приспособления, которые должны были облегчить ему жизнь.

Ждать результата пришлось почти сутки.

Признаться, я уже почти решил, что старик и впрямь что-то намудрил с формулой. Однако, как только на улице снова потемнело, из комнаты, где находилось его тело, донеслось знакомое покашливание и хруст костей, а затем оттуда,

кряхтя, выбрался сам Гнор, в глазах которого горел настоящий триумф.

– Я... это... сделал! – хриплым голосом прокаркал он, как только мы встретились взглядами. – Я смог! Я воскрес! Смерть больше никогда меня не коснется!

– Ну, для начала это все-таки стоит проверить, – нейтральным тоном заметил я. – Как ты смотришь на то, чтобы провести парочку тестов?

Гнор тут же насупился, но наука в его понимании требовала доказательств, поэтому ему ничего не оставалось, как согласиться стать подопытной крысой.

В последующие несколько недель мы занимались исключительно им. Но, как вскоре выяснилось, воскрешательный эликсир и впрямь сотворил невероятное, потому что и физическая сила, и выносливость, и скорость реакции, и даже умственная активность у вчерашнего старика оказались на высоте. Постоянная хромота, которая так его раздражала, уже на следующий день стала менее заметной, а еще через сутки прошла совсем. У Гнора снова выросли зубы. Проснулся зверский аппетит. Кожа за считанные дни вернула тонус, почти как в молодости, глубокие морщины разгладились, на плешивой голове снова начали расти волосы, отчего вредный старик ощутимо помолодел.

Обрадовавшись приятным переменам, он даже настоял, чтобы в порядке эксперимента я сломал ему нос и потом вправил на место искривленные кости.

Я сделал. А потом во всех подробностях наблюдал, как обезображенное лицо стремительно восстанавливает форму, после чего старик уже не только стариком больше не выглядел, но и обрел вполне себе человеческую внешность.

Еще мы заметили, что он почти перестал нуждаться во сне, отчего его работоспособность очень выросла. У него появился прилив сил. Ощущение бодрости. И резко повысилась двигательная активность. Он стал абсолютно нечувствителен к ядам, приобрел повышенную регенерацию. При этом и дыхание, и сердцебиение у него оставались в пределах нормы. Так что можно было сказать, что он действительно воскрес. И одновременно с этим избавился от множества недостатков, которые безумно его злили.

Правда, были и другие изменения.

В частности, Гнор перестал ощущать боль, практически полностью утратил обоняние, и у него резко поменялись вкусы. Отсутствие необходимости во сне сделало его более раздражительным. Еще он пристрастился к мясу, стал требователен к выбору продуктов. Но поскольку на фоне других изменений это было весьма незначительным, а в экспериментах животные показывали схожие предпочтения, то находящийся в эйфории Гнор посчитал, что подобными мелочами можно пренебречь.

И только через месяц появились первые тревожные звончки.

В частности, одна из крыс, которую старик воскресил в

числе первых, вдруг без видимых причин набросилась на соседей по клетке и умудрилась перебить их всех до одной. Соседи, разумеется, вскоре снова забегали, однако животных пришлось расселить, а Гнор также отметил, что восстанавливались они после травм гораздо медленнее, чем раньше.

Потом он сообщил, что у всех без исключения крыс начало замедляться сердцебиение. Причем чем крупнее был грызун, тем больше оказалась разница между «было» и «стало».

Еще через месяц у животных появились признаки воспаления на коже. Гнойные прыщи, громадные волдыри, словно от ожогов, красные пятна, которые вскоре начали явственно чернеть. Остановить процесс Гнору не удалось: крысы продолжали болеть, а попутно исхудали и облысели. Можно сказать, запаршивели. Однако при этом выглядели достаточно бодрыми, сохраняли повседневную активность, лопали за троих и ничем не показывали, что страдают.

Наконец у одной из первых экспериментальных крыс появилось отчетливое пятнышко гнили на хвосте, которое начало неумолимо разрастаться. Через неделю таких пятен стало уже два, потом три... пока почерневший хвост не усох и не отвалился полностью. Крыса при этом продолжала вполне себе бодро бегать по клетке, яростно кусалась, если ее пытались оттуда достать, и особенно агрессивно вела себя с сородичами, у которых мы впоследствии стали обнаруживать такие же изменения.

Целительные эликсиры, амулеты, обычая магия оказались

не в силах остановить этот процесс. Крысы стремительно лысели, худели, регулярно впадали в ярость, обильно ели, отдавая предпочтение сырому мясу, и медленно, но неотвратимо все важные жизненные процессы в них замедлялись до тех пор, пока не остановились совсем.

– Ничего не понимаю, – бормотал Гнор, сутками ходя вокруг клеток и пытаясь что-то предпринять. – Этого не должно было случиться. Все должно было быть совсем не так!

И вот наконец настал день, когда лысые, бесхвостые, не ощущающие боли, не чувствительные к яду и неистово бьющиеся в клетках крысы совсем перестали походить на нормальных. Нанесенные стариком раны больше на них не заживали, кровь из них уже не текла, зато и вреда они никакого не приносили. Крысы по-прежнему бодрствовали, день ото дня становились все уродливее и все равно наотрез отказывались подышать.

К этому моменту я уже передумал размораживать Нардиса и переводить эксперимент в заключительную стадию, тогда как и без того скептический настрой Мора перешел в твердую уверенность в стиле «А я же говорил».

Однако Гнор не сдавался. Торчал в лаборатории днем и ночью, настойчиво искал ошибку в вычислениях, раз за разом пересматривал бумаги... пока однажды я не заметил у него на руке такое же подозрительное темное пятнышко и не озадачил его гораздо более важной проблемой, которую нужно было как-то решать.

– Да, – подтвердил я, когда уговорил старика на осмотр. – Твое сердце бьется заметно реже, чем раньше. Судя по всему, оживление было временным или неполным, а теперь природа берет свое, и тело постепенно умирает.

– Время еще есть, – дрогнувшим голосом прошептал Гнор. – У крыс изменения начались только через год.

– Скоро начнут меняться кошки и собаки. Отследи, как это происходит и сколько времени это займет. Возможно, трансформацию еще можно остановить.

Как оказалось, нельзя. У более крупных животных процесс омертвления тканей начался и закончился еще быстрее, чем у хudosочных крыс. Всего через полгода после воскрешения они начали явственно меняться. Еще через две недели процесс полностью завершился. И очень скоро в моих подвалах скопилась целая армия мертвых животных, которые вели себя как живые. А именно регулярно искали еду в кормушках, сходили с ума от несуществующего голода, пугались, если громко стукнуть по железным решеткам, а если им давали такую возможность, то даже пытались спариваться. Несмотря на то что нужных органов давно уже не имели, да и в остальном выглядели так, словно вот-вот развалятся.

Когда стало ясно, что процесс действительно необратим, и без того раздавленный неудачей Гнор стал понемногу сходиться с ума и изобретать самые дикие способы сохранить тела своим дохлым зверушкам. В частности, крысам он пытался пришивать обратно гнилые лапы, кошкам возвращать лысые

хвосты, кому-то вроде даже голову пытался пересадить, но все эти попытки раз за разом оканчивались ничем. До тех пор, пока в отчаянии старик не смешал мертвую плоть с живой и не приживил дохлой крысе лапу от живой и совершенно здоровой товарки.

Это неожиданно принесло хорошие результаты, потому что лапа благополучно прижилась и крыса даже смогла ею полноценно пользоваться.

Гнор резко воспрял духом, принялся налево и направо истреблять поголовье грызунов в окрестностях логова, с чем ему серьезно помогли мои костяные гончие. Но оказалось, что и этот эффект был временным. А спустя месяц-другой новая лапа стала такой же, как старая, поскольку процесс разложения плоти так и не остановился. В то же время старик заметил, что если дохлую крысу кормить не только мясом, но и кровью, то гниение значительно замедляется и псевдожизнь можно существенно продлить.

Прекрасно понимая, что в ближайшем будущем его ждет такая же незавидная участь, он работал как проклятый, ища любой способ замедлить умирание плоти, дабы не превратиться в разумного, не подверженного влиянию смерти, но совершенно беспомощного перед слабостями собственной плоти мертвеца.

И тем не менее это все-таки случилось. Спустя меньше чем полгода процесс полностью завершился и сердце Гнора, несмотря на все наши усилия, все-таки перестало бить-

ся. Внешние изменения, правда, пока не проявились. Многочисленные гнилые пятнышки не доставляли старику ни малейшего неудобства, так что, если не заглядывать под балахон, его все еще можно было принять за человека.

Мы как могли старались замедлить этот процесс и в чем-то даже преуспели. По крайней мере, разваливаться на части старик стал гораздо позже, чем его крысы. И гораздо позже, чем кошки с собаками, процесс умирания которых мы проследили детально и изучили со всех возможных сторон.

Создания, которые уже перестали быть живыми, но так и не сделались полностью мертвыми, – это, безусловно, было новым словом в магической науке. Настоящее открытие, особенно важное в свете того, что все свои былые желания, стремления, инстинкты и память наши подопытные сохранили. Но Гнору это не могло послужить утешением. Ну, а когда у него впервые отвалилась рука, то мне волей-неволей пришлось искать замену, для чего понадобилось поднять старые связи и снова, спустя немало лет, обратиться к Леману.

Тот за прошедшие годы тоже успел состариться и отошел от дел, передав бразды правления преемнику. Однако просьбу мою все же уважил. Поток смертников нас обеспечил. Вот только и этого Гнору показалось мало.

Он захотел еще больше людей. Больше доноров. Больше возможностей для замены вышедших из строя частей тела, порой еще до того, как изменения становились значимыми.

Малейшие признаки ухудшения работы той или иной конечности вызывали у него приступы ярости. Он опять одряхлел. Захромал. Его гниющее, неумолимо разлагающееся тело начало ощутимо пованивать, привлекая к себе целые тучи мух. Сам Гнор стал капризен, как старая дева, и агрессивен, как мохноног в период весеннего гона.

Естественно, он не хотел ни ждать, ни слушать мои угрозы. Ему было наплевать, что я в это время тоже не сидел без дела. Он, как и всегда, хотел всего и сразу. Поэтому, когда я отказался удовлетворять его непомерные аппетиты, он сначала вспылил, потом замкнулся, а в один из дней, когда я вернулся с очередным смертником, попросту не застал никого в пещере. Ни Гнора, ни записей, ни дорогих амулетов из его немалой коллекции... Он забрал с собой все, что только смог унести. А единственное, что от него осталось, это горы мусора и корявая надпись на клочке бумаги, в которой было всего два слова: «Не ищи».

– Ну, и хвала Саану, – заключил Мор, когда стало ясно, что упрямый старик действительно ушел. – Без него гораздо спокойнее.

Я только плечами пожал.

Да пожалуйста. Моя-то работа с его уходом только началась.

Пока пауки убирали опустевшую лабораторию, я выбрался из пещеры и, усевшись прямо на пороге, прикрыл глаза.

Гнор полагал, что оставил меня без ценных сведений, думал, что отомстил за неудачу с эликсиром, и гордо ушел, уверенный, что без него у меня ничего не получится. Однако про Мора и про то, что за ним постоянно наблюдают, старик за все эти годы так и не узнал. А еще ему было невдомек, что мои крохотные помощники следят за ним из каждой щели и добросовестно сообщают мне все, что увидят.

Само собой, читать они не умели, да и я с их помощью сквозь стены видеть пока не научился. Однако они запоминали каждую закорючку и каждый штрих, сделанные Гнором в дневнике, а затем прибегали ко мне и, окунув лапку в чернила, скрупулезно воспроизводили все, что сумели подглядеть.

Со временем все его записи стали полностью мне доступны, и чтобы понять, где именно была допущена ошибка, Гнор был мне уже не нужен. Осталось только разложить эту информацию по полочкам и проанализировать все, чем занимался старик.

Это заняло мое время почти на месяц.

А когда я закончил разбираться, то пришел к выводу, что Гнор был не так уж и не прав, и когда сказал, что клю-

чевым элементом в процессе воскрешения должна служить моя кровь, и когда предположил, что мое долголетие – прямое доказательство правильности его теории.

Кровь – это основа жизни. Величайшее сокровище, о ценности которого знали еще древние ведьмы. Кровь несла в себе ответы на многие наши вопросы. А я, не будучи, по сути, ни живым, ни мертвым, являлся той самой истиной, которая находилась где-то посередине, поэтому именно моя кровь должна была стать важнейшим элементом в магическом ритуале.

Еще мы оба сошлись на том, что без магии жизни она бесполезна. И что те же ведьмы, которые свободно такой магией пользовались, могли бы нам в этом помочь.

Гнора я, само собой, ознакомил с результатами работы нэ-ла Тарио. Он также продолжил расшифровку символов и в результате пришел к выводу, что основа для конечного заклинания должна быть графической. Это раз. И что в ее составе обязательно должны присутствовать символы как жизни, так и смерти. Это два.

Вопрос заключался лишь в том, каким именно способом их совместить.

Увлечшись идеей создания жидкого лекарства, Гнор нанес эти символы на посуду – ту самую, где созревала его воскрешательный эликсир. Причем основу мы с ним придумывали уже вместе. Я со своей стороны наполнил ее энергией смерти. От него же мы, в свою очередь, позаимствовали

энергию жизни. Кровь, в которой содержались оба этих компонента, должна была послужить связующим звеном. Ну, а для снятия побочных эффектов и большей стабильности заклинания Гнор использовал защитные знаки из ведьминого круга, а еще решил добавить алхимические присадки, которые пронумеровал, как когда-то Кариур, и испытывал одну за другой.

Понятно, что живой ведьмы у нас не было, зато имелась ее кровь – это раз. Еще была магия крови, для которой ни колдун, ни ведьма уже не нужны, – это два. И имелся ведьмин круг, структуру которого мы тщательно изучили, доработали, слегка видоизменили и не сомневались, что сумеем его запустить.

Однако только сейчас я осознал, о чем мы в свое время не подумали и что Гнор ошибся не потому, что был нетерпеливым или безграмотным. У нас просто отличались подходы к поставленной задаче. И были, как выяснилось, разные цели, поэтому-то эликсир и не сработал.

В частности, Гнор искал бессмертие лично для себя, тогда как я хотел всего лишь воскресить Нардиса.

Старик исходил из того, что экспериментальное тело будет сначала живым, потом мертвым и сразу снова живым, тогда как у меня в наличии имелся лишь замороженный труп, который омертвел давным-давно и уже утратил качества, которыми обладает свежее тело.

Гнор также верил, что эликсир бессмертия – самая под-

ходящая субстанция для преобразования плоти. Мол, один раз выпил – и порядок. Вот только Нардис не смог бы его выпить по определению. А если бы я и влил ему лекарство в глотку, то из промерзших до хруста внутренностей ни единая его капля не смогла бы впитаться в кровь.

Это, в свою очередь, означало, что вариант Гнора, хоть и был, по сути, верным, мне абсолютно не подходил. Поэтому при наличии тех же компонентов для ритуала мне пришлось придумывать другой способ их использования.

Наконец главная и самая важная наша ошибка заключалась в том, что между нами не было доверия. Я не сказал ему о Море – он начал прятать исследования. Я использовал для получения нужной мне информации пауков – Гнор же с самого начала планировал работать только на себя, хотя на мои средства и на моем оборудовании. Я умолчал о скверне и о том, что на самом деле в моем бессмертии виновато не только проклятие, – он, не видя всей картины, жестоко просчитался и в итоге пришел к неверным выводам.

– Ты забыл еще об одной вашей вещи – о душе, – напомнил Мор, когда я поделился с ним своими умозаключениями. – У Гнора после смерти она не успела даже толком отлететь, тогда как душа Нардиса осталась в этом мире не по своей воле.

– Думаешь, она может не захотеть возвращаться?

– Думаю, я смогу ее уговорить.

– Уверен? Нардис всегда был довольно упрямым. И вряд

ли за столько лет его душа стала более покладистой.

Мор только хмыкнул.

– Не только ты все эти годы работал. Я, пока за вами наблюдал, тоже пришел к кое-каким выводам. Так что если и не уговорю ее вернуться, то заставлю. Уж на это-то моих сил точно должно хватить.

И вот после этого работа закипела с новой силой.

Однако поскольку теперь колдуна у меня не было, то поделиться жизненной силой стало некому. Но я решил эту проблему, позаимствовав у Гнора одну любопытную идею, и нашел способ выделить из собственной крови две кардинально отличающиеся по составу субстанции. А именно: ту, что делала меня мертвым и была смертельно ядовита для всего живого, и ту, что еще была живой, позволяя мне мыслить, двигаться и восстанавливать поврежденные ткани.

Сразу у меня, конечно, не получилось сделать как надо. То одно оказывалось не так, то другое. Но путем проб и ошибок я все же добился нужного результата и спустя всего три года после ухода Гнора наконец-то вернулся в грот, вытащил оттуда тело Нардиса и переложил его в подвал. Размораживаться.

Дня через три, когда процесс подошел к концу, я раздел и обмыл тело, после чего использовал на трупе состав для заживления ран и подготовил к собственно ритуалу.

Еще через день, когда рана в груди закрылась, я нарисовал на камнях ведьмин круг, структуру которого мы видо-

изменили вместе с Гнором, поместил туда тело, покрыл его сложной вязью из ведьминских рун, положил рядом драгоценные камни, которые забрал из ведьминой пещеры, молча порадовавшись, что строптивый колдун успел их зарядить. А самыми последними нанес на грудь Нардиса два очень схожих по строению, но совершенно противоположных по значению символа: жизни и смерти. После этого осталось лишь запустить процесс, объединив живое с неживым и соединив их в нечто новое. Однако прежде...

– Мор, твой выход.

Призрак, подлетев к устало поникшей душе, с размаху ударил ей по хребту, буквально вбивая в мертвое тело.

– Давай!

После чего я торопливо вылил на два последних символа пробирки с собственной кровью, именно той, что была предназначена для каждого из них – мертвое для смерти и живое для жизни.

Ведьмин круг вспыхнул.

Разложенные в строго определенном порядке камни мгновенно опустели.

Магическая печать, которая когда-то привязывала Нардиса ко мне, благополучно испарилась. Лежащее на полу тело окуталось слепяще-ярким коконом, и... все тут же стихло. Неистово-яркий свет, от которого даже мне пришлось зажмуриться, снова угас. Лежащее на полу тело на первый взгляд ничуть не изменилось. Но, как и с Гнором, следовало

дождаться результата и при этом поменьше думать о том, что второй попытки у нас наверняка не будет.

Правда, в отличие от того же Гнора ждать нам пришлось дольше обычного, потому что ни утром следующего дня, ни через день, ни даже через два Нардис так и не пришел в себя, его сердце не заработало и не появилось ни единого признака того, что ритуал завершился успешно.

Меня это беспокоило.

Мор даже предположил, что слишком долгая заморозка могла повредить телу сильнее, чем мы рассчитывали, поэтому состав для восстановления оказался слаб и упрямая душа все-таки сбежала.

И только на третий день, ближе к вечеру, в лаборатории раздался оглушительный треск, а следом за ним и страшный грохот, который сумел избавить нас от сомнений. Потом слышался истошный вой на множество голосов. Звуки разрываемой плоти. Утробный рев, в котором не было ничего человеческого. А как только я кинулся к лестнице, оттуда без предупреждения вылетело что-то живое, всклокоченное, абсолютно голое и при этом покрытое свежей кровью с головы до ног.

Сверкнув алыми глазами, это нечто свирепо оскалилось, продемонстрировав на редкость длинные и острые клыки. Затем потянуло носом, раздраженно рыкнуло. После чего с невероятной скоростью промчалось мимо, безошибочно отыскивало выход из пещеры и, выскочив наружу, все с той же

поразительной скоростью кинулось по склону вниз, издавая по пути леденящее кровь рычание.

– По-моему, мы что-то не то наколдовали, – скептически заметил Мор, когда существо огромными прыжками помчалось прочь. – Тебе не кажется, что его надо остановить?

Я посмотрел вслед убегающему человеку и кивнул. После чего свистнул Кости, а уже когда она ринулась в погоню, принялся неспешно спускаться вниз, прекрасно зная, что с такой помощницей торопиться некуда.

Глава 2

Количество костяных гончих за время пребывания в горах я увеличил почти до пяти десятков голов, но в обычное время они мне были без надобности. Кость и Клык, которого я сотворил по ее образу и подобию, вот, собственно, и все, в ком я по-настоящему нуждался.

Остальная стая была рассредоточена в горах. На склонах вокруг пещеры. Вдоль тех немногочисленных троп, которыми к нам можно было добраться. Оставшись сидеть и лежать именно там, где им приказали, они годами сохраняли неподвижность, при этом постепенно обрастая песком, залежами мелких камней, нанесенной ветром землей, а вместе с ней – травой и кустами...

Наверное, кто-то, проходя мимо, удивился бы чудесам природы, сумевшей создать такие удивительно живописные скульптуры. Но гончие не спали. Я больше не считал нужным усыплять своих бессмертных стражей, которые могли понадобиться в любое мгновение. Поэтому стоило их только позвать, как вросшие в землю псы немедленно вскакивали и бросались наперерез беглецу, в два счета загородив ему дорогу и тем самым заставляя остановиться.

– Ну, что сказать, – задумчиво проговорил призрак, когда мы приблизились и присмотрелись к окровавленной фигуре. – Внешне это действительно Нардис. Вот только с мозга-

ми у него что-то не то.

– Скорее всего, это временное явление, – предположил я, следя за тем, как гончие кружат вокруг голого парня, а тот пригнулся, словно зверь перед прыжком, и утробно рычит, не сводя с них бешено горящих глаз. – Смотри: реакции в норме, двигательная активность тоже в порядке – вон как он из пещеры припустил, хотя Гнор в первые сутки после пробуждения чувствовал себя не в пример хуже.

– Гнору было намного больше лет.

– А Нардис почти два десятилетия провел в глубокой заморозке. Тем не менее и скорость, и сила... Он ведь даже не запыхался. А еще у него на левой руке рана... была только что.

– Да, регенерация превосходная. Намного лучше, чем у подопытных образцов, – вполголоса заметил призрак, не торопясь, впрочем, приближаться к беглецу. – Хотя с аурой, похоже, такая же беда, как у Гнора.

Я присмотрелся, но второе зрение и впрямь показывало у Нардуса не нормальную салатовую ауру, как у живых, а такое же невнятное серое безобразие, какое было у старика. Хотя нет, не совсем такое же... У Гнора аура была неподвижной, а у парня она словно... дышала. Тревожно ужималась, если кто-то из гончих подбирался чуть ближе, и снова расслаблялась, когда угроза миновала.

Получив мысленную команду, псы начали медленно теснить парня обратно к пещере, но тот сумел меня удивить

– неожиданно совершив обманный маневр, попытался прорваться, однако был дважды укушен и с шипением отскочил, скаля острые зубы.

– Похоже, я ошибся – мозги у него все-таки работают, – задумчиво обронил Мор.

– И он определенно умеет делать выводы из своих ошибок.

– Согласен. Вон как встал. Под когти больше не подставляется, зубов тоже старается избегать. Хотя поведение у него все еще далеко от нормального.

– Он просто голоден.

– Да, но он ведет себя как дикарь. Небось даже говорить не умеет.

– Сейчас мы это проверим, – пообещал я и, сходя в пещеру за дубинкой, оглушительно свистнул.

Нардис, окруженный псами, стремительно обернулся.

При виде меня и висящего у меня за левым плечом черного облака он замер. Его непривычно алые глаза сначала расширились, потом сузились, словно в его голове и впрямь происходила переоценка ситуации. Взлохмаченные, сплошь покрытые кровавыми ошметками волосы тревожно колыхнулись. Кончики ушей настороженно дернулись. Следом за этим он шумно втянул ноздрями воздух, после чего развернулся уже всем телом и, напрочь позабыв про костяных псов, огромными прыжками ринулся в нашу сторону.

– Ого, какая прыть!.. – тихо присвистнул призрак.

– Да, впечатляет. Возможности его тела оказались гораздо выше ожидаемого.

– Это хорошо или плохо?

– Я склонен считать, что скорее хорошо. Смотри, как он фокусируется на цели, – приятно удивился я, ощутив на себе горящий взгляд парня. – Тебя он явно видит, но как врага пока не воспринимает. Сообразительный мальчик.

– Уверен, что сможешь его остановить? – вместо ответа поинтересовался Мор.

Я только улыбнулся. А когда опасно изменившийся Нардис совершил последний, на редкость мощный и опасный прыжок, просто ушел в сторону и со всего размаха ударил ему дубинкой по голове.

Звук раздался такой, словно я зарядил не по человеку, а по стволу дерева.

Дубинка в моих руках разлетелась в щепы.

Нардису отшвырнуло прочь. Насчет раздавшегося хруста я не был точно уверен, произвела его сломавшаяся дубина или же это пострадали кости, но парня от удара аж перекувыркнуло в воздухе. После чего он совершил красивый кульбит и ничком рухнул на землю, издав при этом приглушенный стон.

– Реакция на боль в норме, – с невозмутимым видом констатировал я, отбрасывая измочаленную деревяшку в сторону. – Хотя крепость костей и впрямь выше, чем у простого смертного. Обычному человеку я бы попросту снес чере-

пушку, а этот еще шевелится. Нардис... эй, Нарди-ис... ты живой?

Мой незаменимый, некогда несправедливо убитый и заново воскрешенный помощник с еще одним приглушенным стоном перевернулся на спину, обеими руками зажимая расквашенный нос.

– Саан, за что?!.

А потом увидел над собой мое лучащееся доброжелательностью лицо и чуть не поперхнулся.

– Вилли?!.

– Я же говорил, что сработает, – удовлетворенно кивнул я под насмешливое хмыканье Мора. – Дубинка – поистине незаменимая вещь в налаживании контакта между людьми. Вон как сразу мозги прочищает.

– Проклятье, Вилли! Зачем ты меня ударил?!

– Как это зачем? От радости, конечно, – оскалился я, протягивая своему помощнику руку. – А теперь хватит валяться. Вставай и приводи себя в порядок. За время твоего отсутствия накопилось слишком много дел.

* * *

– Сколько-сколько меня не было?! – в шоке переспросил уже умытый, одетый и аккуратно причесанный Нардис. – Двадцать с лишним лет?!

– Двадцать шесть с половиной, если быть точным.

– И ты все это время?!

Я молча подвинул к нему склянку со свежей кровью. Парень машинально дернулся, сцапал ее, с жадностью втянув ноздрями солоноватый запах. Но быстро опомнился и с отворачиванием поставил емкость обратно на стол.

– Фу. Я теперь что, должен это пить?

– Тебе придется. Хотя бы иногда. Такова цена твоего воскрешения.

К сожалению, это была сушая правда. Эксперименты на животных, которые я провел уже с учетом новых вводных, наглядно доказали, что в первое время употребление крови – это единственный способ сохранить им жизнь. Без крови их тела быстро утрачивали ценные навыки. Они неумолимо слабели, худели и постоянно стремились вернуться в исходное, то есть мертвое состояние.

По-видимому, сразу после воскрешения происходящие в организме подопытных процессы настолько ускорялись, что для их обеспечения простой пищи попросту не хватало. Тело тратило слишком много времени, чтобы переварить ее и усвоить, тогда как энергия ему была нужна немедленно, причем в огромных количествах. И обеспечить ее могла только кровь. Причем свежая. И желательно от существ того же вида, одного из представителей которого мне удалось воскресить.

Хорошая новость заключалась в том, что тяга к употреблению крови была не вечной. Обычно процесс длился ме-

сяц, максимум два для мелких животных и до полугода для представителей более крупных пород.

После этого реакции, происходящие в обновленном теле, постепенно возвращались к более или менее приемлемому показателю. Процессы, требующиеся для обеспечения жизнедеятельности, замедлялись. Потребность в чистой энергии и питательных веществах уравнивалась возможностями организма добывать их из обычных продуктов. Поэтому тяга к крови постепенно снижалась. Вместо нее, как и следовало ожидать, возвращался нормальный аппетит. После чего животное переходило к обычному существованию, а потребность в крови активизировалась только тогда, когда телу наносился непоправимый ущерб и требовалась немедленная регенерация.

Ну, примерно, как у меня.

Единственное различие между мною и подопытными заключалось в том, что я никогда не ощущал чувства голода. Я просто знал, что мне нужна кровь, но не испытывал к ней тяги. Поэтому и отсутствие должного количества пищи не приводило меня в пограничное состояние. Тогда как звери, если их своевременно не покормить, быстро впадали в ярость, а потом и в неистовство. В скором времени теряли над собой контроль и были готовы разорвать любого, даже хозяина и собственного партнера, лишь бы погасить терзающий их голод, аналога которому я в животном мире пока не встречал.

Нардису я тоже все это подробно объяснил, прежде чем

тот успел ощутить особенности своего нового состояния. Он должен был понимать, что к чему. Должен был сам нащупать границы дозволенного. Это, в свою очередь, помогло бы ему не утратить контроль в самые первые и сложные дни. И в конечном итоге подарило бы возможность вернуться к нормальной жизни.

– Но я не хочу! – возразил Нардис, когда я снова подошел к нему склянку. – Пить человеческую кровь – это же... это...

– Сейчас это необходимо. На время. Иначе ты умрешь.

– Но убивать ради того, чтобы жить самому...

– Можешь не волноваться – кровь я давно научился хранить про запас. Для тебя ее собирал давно, тем же методом, которым наполняю свою флягу. Поэтому ни мне, ни тебе не придется никого убивать. Склады пока полны, на несколько месяцев тебе точно хватит.

Нардис поджал губы.

– И часто мне придется ее пить?

– Сейчас ежедневно. Потом все реже и реже. А после того как ты вернешься к обычной пище, она тебе вообще не понадобится. По крайней мере, до тех пор, пока тебя серьезно не ранят.

– А если ранят, то я все равно начну сходить с ума от жажды и пытаться сожрать первого встречного?

– Боюсь, что так, поэтому постарайся до этого не доводить. И на всякий случай держи дома запас, который не за-

бывай своевременно пополнять.

– Саан, – с тоской оглядел пустые стены Нардис. – И это уже не изменить, да? Я или умру, или останусь таким навсегда?

– Именно так.

– Тогда лучше бы ты меня не воскрешал. Жрать людей и постоянно испытывать желание пить чужую кровь... Я теперь что, живой мертвец? Зомби? Или еще какая-нибудь разновидность нежити?

– Напротив, ты сейчас живее всех живых.

– Но ты превратил меня в чудовище!

Я внимательно посмотрел на расстроенного парня.

– То есть я, по-твоему, тоже чудовище? Или ты забыл, что я время от времени тоже вынужден пить человеческую кровь?

– Нет, не забыл. Но становиться кровососом мне совсем не улыбается! Я не хочу так жить!

– Другого варианта нет. Или предлагаешь вернуть тебя обратно в мертвое состояние? – спокойно предложил я.

Нардис встрепенулся.

– А ты бы сделал это? Ну... если бы я попросил, ты помог бы мне умереть? Сам я, наверное, не смогу. Но если ты говоришь, что без крови я обезумею и все равно пойду убивать... Ты бы избавил меня от этого?

Я помолчал несколько мгновений.

– Я вернул тебя к жизни, потому что считал твою смерть

преждевременной и неприемлемой лично для меня. Если ты считаешь, что я не прав, то да. Я могу это исправить. И у меня не дрогнет рука тебя убить, хотя сожалеть об этом я, скорее всего, буду.

– Дай зеркало, – вместо ответа буркнул Нардис, отведя сконфуженный взгляд. А когда вдосталь налюбовался на собственное отражение, недовольно насупился. – Я теперь всегда такой буду?

Я непонимающе перевел взгляд на отражение.

А что не так? Лицо как лицо. Обычное, без шрамов и прочих отклонений. Нос нормальный, последствия от встречи с дубиной с него давно исчезли. Рыжие патлы остались такими же, как раньше. Ну, цвет глаз поменялся. Что в этом такого? Ах да, в темноте они еще и светились. Кого-то однажды наверняка напугают до мокрых штанов, но за отличное ночное зрение, на мой взгляд, это была невысокая цена.

– Ну, так что? – совсем уж похоронным голосом осведомился парень, когда приоткрыл рот и обнаружил там приличные по размеру, определенно не человеческие клыки. Нардис даже попробовал расшатать один зуб, но тот, к его сожалению, оказался настоящим. – Я теперь не человек?

– А сам как считаешь?

И вот тут он откровенно растерялся. Но все же дураком он не был и, хвала Саану, не стал им после воскрешения. Поэтому, когда первый шок миновал и до него дошли хотя бы некоторые мои слова, он надолго задумался. Потом куда-то

вышел. А когда вернулся, то снова сел рядом и очень тихо попросил:

– Расскажи мне все. Я хочу точно знать, к чему готовиться.

Отлично.

Я уже давно заметил, что у части воскрешенных отмечались избыточные реакции на самые разные раздражители, особенно в первое время. Они сильнее, чем остальные, впадали в ярость, дольше злились, порой даже совершали импульсивные и ранее несвойственные им поступки. Те, кто раньше вел себя спокойно и отличался исключительно мирным характером, становились агрессивными. Те, кто был склонен к агрессии, напротив, нередко впадали в оцепенение и апатию.

От Нардиса я, если честно, ожидал намного более взрывного поведения, особенно после того, что он нам устроил. Но тот всегда отличался уравновешенным нравом и редко когда подолгу испытывал одну и ту же эмоцию. Он, можно сказать, являлся на редкость гармоничной личностью, которой чрезмерные проявления чувств были совсем несвойственны.

Поэтому он поначалу, как я и думал, взвился. Потом очень быстро расстроился. Почти отчаялся и чуть ли не надумал прыгать головой вниз с ближайшей скалы... Но потом походил, подумал, отвлекся. И вот теперь был готов к серьезному разговору.

– На самом деле ты не сильно изменился, – сообщил я,

стараясь подбирать слова так, чтобы между нами не возникло недопонимания. – Ты по-прежнему мыслишь, чувствуешь, помнишь. Тебя, как ты уже, вероятно, понял, можно поранить, и из твоих ран по-прежнему идет самая обычная человеческая кровь. Твое тело обновляется, как и раньше, сердце тоже бьется. Тебе по-прежнему нужен воздух, чтобы жить, и пища, чтобы оставаться в форме. Помимо этого, тебе доступны все чувства и эмоции, что и всегда. Так что ты все еще смертен. Более того, ты все еще человек. Однако некоторые процессы в твоём теле замедлены, а некоторые, наоборот, резко ускорены. Благодаря этому ты быстрее восстанавливаешься, тебе не страшны ни травмы, ни переломы. Ты намного сильнее, быстрее, выносливее других. Твое зрение, обоняние и слух тоже обострены... Но за все, как я уже сказал, нужно платить.

Нардис неприязненно покосился на злополучную склянку.

– Хочешь сказать, я стал таким же, как ты?

– Нет, – покачал головой я. – Тебя никто не проклинал. Нам лишь удалось совместить и уравновесить силы жизни и смерти. Моя кровь сделала тебя таким. Но если бы в твоих жилах текла только она, то из тебя получился бы очередной безмозглый зомби. Однако моей крови в тебе настолько мало, а ее сила настолько уравновешена, что теперь тебя можно бить, колоть, ронять со скал, морить голодом и даже жечь... Рано или поздно ты все равно восстановишься. Но как пра-

вильно сказал когда-то Мор, нельзя быть живым лишь наполовину. Точно так же, как нельзя частично умереть. Это я замер в одной точке. И это у меня с годами ничего не меняется. А тебя я предпочел видеть именно живым, поэтому некоторые недостатки все же пришлось оставить. И рано или поздно ты все-таки умрешь. От старости. Хотя наступит она, скорее всего, очень не скоро.

– И это когда?

– Мы так далеко еще не заглядывали. Но если судить по крысам и паукам, то срок твоей жизни должен вырасти как минимум в десять раз.

– Тогда как меня можно убить? – вычленил самое важное из моих ответов Нардис. – Если обычные раны и переломы больше не страшны, то чего мне опасаться?

– Береги голову, – серьезно посоветовал я. – Если ее отрубят, то никакая кровь уже не спасет.

– Откуда знаешь?

– Ну, ты же не думал, что я повторю ошибку Гнора и не проверю досконально теорию, прежде чем применить ее на практике? У нас был всего один шанс. Единственная попытка сохранить тебе душу. Поэтому, прежде чем тебя заморозить, мы хорошо подготовились.

Нардис тут же помрачнел.

– И сколько народу ты ради этого убил?

– Спроси лучше, сколько трупов мне для этого пришлось собрать со всей империи, – усмехнулся я. – Но я рад, что

люди предпочитают хоронить своих усопших в земле и не проверяют потом, куда они делись. А то многих ждало бы неприятное открытие в виде пустых могил и раскуроченных гробов, тогда как ищейки ИСБ давно бы с ног сбились, пытаясь отыскать банду злостных похитителей тел. Видел в лаборатории сундуки?

– Да. А что?

– Никогда туда не заглядывай.

– погоди, – наморщил лоб Нардис. – Все равно что-то не сходится. Если ты кого-то оживлял, то эти лю... в смысле создания все равно должны были остаться. Почему я, кроме вас, больше никого здесь не чувствую? Ты их отпустил?

– Еще не хватало.

– Неужто ты думаешь, что у нас не было неудачных экспериментов? – поддержал меня Мор. – Дозы пришлось подбирать долго, так что большинству наших подопечных не повезло.

– В каком смысле?

– Кто-то был чересчур агрессивен. Кто-то безумен. Многие оказались лишены обычных эмоций, а единственным чувством, которое их терзало и глушило все остальные ощущения, был зверский голод.

– И вы от них избавились? – все еще недоверчиво переспросил его Нардис.

– А что с ними еще делать? – пожал плечами я. – В нашем мире и без того полно чудовищ. Незачем плодить их еще

больше. Да и надо же было понять их уязвимые точки. Живучие, проворные, сильные и выносливые твари в обличье человека... Само собой, я должен был понять, как их можно уничтожить. В том числе и на тот случай, если бы с тобой у нас вышла осечка.

Нардис вдруг замер.

– Я... я, кажется, кое-что вспомнил. По-моему, я сегодня кого-то убил.

– Экспериментальное зверье, – кивнул я. – Его у нас было много. Я же не только на людях практиковался. Но знаешь, что интересно? Оказывается, если разорвать измененное обрядом тело на куски, оно тоже не восстановится. Я в свое время до такого зверства не додумался, но ты обогатил мое представление об этом мире. Благодарю.

– Н-не за что, – отчетливо позеленел мой помощник, а я настойчиво подвинул к нему кровь.

– Ради этой склянки никто не отдал свою жизнь, все было вполне законно. А значит, это ничем не отяготит твою совесть. Пей.

Тот тяжело вздохнул, но все же послушно взял емкость и, приняв ее, выпил.

– Странный вкус, – неохотно признался он, перехватив мой вопросительный взгляд. – Но не скажу, что неприятный. Напротив, мне даже нравится. Настолько, что я с трудом могу держать себя в руках, чтобы не кинуться на поиски новой дозы.

Я безо всякого удивления кивнул.

– К людям тебя подпускать еще рано – с контролем первое время будет беда. Но время теперь – не самое важное для тебя явление, поэтому не спеши. Ты привыкнешь. Главное, чтобы ты сам себя таким принял и научился с этим жить.

* * *

Не могу сказать, что вот так сразу все наладилось – повозиться с Нардисом нам все-таки пришлось. Помимо ежедневной борьбы с собственной жаждой и стремительно меняющимися эмоциями, ему пришлось заново учиться ходить, не срываясь на бешеное ускорение, контролировать собственное тело, дозировать силу, привыкать к солнечному свету... Да и много чего еще, о чем он в прошлой жизни даже не задумывался.

– Оказывается, это непросто – притворяться нормальным, – проворчал он, когда в очередной раз напортачил и испортил ценную вещь. – Дверь на себя потянуть сильно нельзя, руку кому-то от души пожать нельзя, быстро по улицам бегать тоже нельзя, ударить от избытка чувств по стене нельзя... Сплошные ограничения! Даже сами чувства просто так проявить не получается – я от этого зверею!

Я только усмехнулся, поднимая с пола сломанный этим негодяем кинжал. Хороший, между прочим, кинжал – плохими я, к сожалению, не запасаю.

– А ты думал? Если не научишься себя контролировать, то в город мы тебя еще долго не выпустим.

Нардис потряс рыжей головой.

Всего-то чуток сильнее нажал на лезвие, как оно переломилось, будто хрустальное! А ведь какая сталь, какая тонкая работа, узор... Эх!.. Теперь такие уже не делают, но надо же парню на чем-то учиться.

Нардис с несчастным видом замер у противоположной стены комнаты, которую мы превратили в зал для тренировок. Ломать там было практически нечего... Ну, это я поначалу так считал... Однако после ошибок Нардуса на стенах появились многочисленные царапины, выбоины, местами даже дыры. Пол тоже перестать быть ровным и гладким. Про потолок вообще молчу, потому что испортить парень умудрился практически все, до чего только смог дотянуться.

И ладно еще, что новыми способностями (а они действительно оказались впечатляющими) Нардис довольно быстро научился управлять. Однако в эмоциональном плане он все еще вел себя как ребенок. В каком-то смысле он стал намного чувствительнее и ранимее. Его постоянно швыряло из одной крайности в другую. Он регулярно на меня дулся. Злился. Порой действительно взрывался... И каждый раз едва налаженный контроль над телом тоже улетал в бездну, после чего какое-то время бедняга Нардис все портил, бил, давил, случайно крушил, будучи неспособным взять себя в руки.

Только после очередной порции крови его внимание пе-

реключалось, и он успокаивался, как и любой человек, который после жесточайшего поста наконец-то дорвался до еды и в кои-то веки расслабился.

– Как у тебя это получается? – в сотый раз восклицал он, с досадой глядя на учиненные им же самим разрушения. – Почему ты никогда не ломаешь мебель, не отрываешь людям конечности, не сминаешь ложку в кулаке?! Да тебя от живого вообще не отличить, а у меня чуть что – сразу клыки наружу лезут!

Угу. Не только клыки, но еще и когти. Причем ого-го какие длинные! Но, хвала богиням, они почти ничем не отличались от тех, которые имелись у оборотней, поэтому довольно быстро втягивались обратно.

– Вильгельм! Ну, как?! Открой секрет, а то я уже чувствую себя тупым и бездарным!

Я только хмыкнул.

– Если бы ты знал, сколько я этому учился... Но поверь моему опыту: когда ты перестанешь считать употребление крови чем-то постыдным и привыкнешь к мысли, что она всегда доступна, то жажда сойдет на нет намного быстрее.

– Ну, да, тебе легко говорить. У тебя-то и жажды никогда не было!

– К жажде, если помнишь, прилагаются эмоции, – возразил я, заставив парня устыдиться. – А эмоции означают человечность. Если бы ты так и остался отмороженным на всю голову, разве тебя волновала бы такая мелочь, как желание

испить чьей-то крови?

Нардис тяжело вздохнул.

– Иногда я жалею, что ты не избавил меня от мучений сразу. Если бы у меня не было совести, я бы не переживал.

– Если бы у тебя не было совести, я бы тебя убил, – невозмутимо ответил я, после чего взял со стола нож и, метнув его в Нардису, скомандовал: – Еще раз.

Парень неуловимо сдвинулся в сторону, ловко перехватив клинок одной рукой, однако снова не рассчитал, сжал слишком сильно, отчего деревянная ручка жалобно хрустнула.

– Да Саан вас всех подери!..

– Не поминай темного бога всеу, – строго заметил из-под потолка Мор.

– Вот только от тебя нотаций мне не хватало!

Нардис, огрызнувшись, сжал кулаки и отвернулся, пережидая вспышку раздражения.

Ну, да. Примерно так это обычно и случалось. На самую невинную, казалось бы, фразу и самое простое замечание.

Нардис стал нетерпим к малейшим упрекам и возражениям. Но сейчас он хотя бы понимал, что перегибает палку, сам себя останавливал, пытался справиться с обуревающими его чувствами. А я по мере возможностей старался ему в этом помочь.

– На, хлебни, – сжалился я над парнем, бросив ему наполненную на две трети склянку. И вот ее-то он как раз поймал как надо – бережно, аккуратно, чтобы, не дай Саан, не раз-

бить, не раздавить и не разлить драгоценное содержимое. – Вот видишь, как все просто. Стоит только захотеть...

Нардис вместо ответа торопливо глотнул крови и утер губы рукавом.

– Может, так и продолжим? Когда я думаю, что останусь без обеда, то соображаю и действую гораздо лучше. Да и координация меньше страдает.

Я пожал плечами.

Даже спустя несколько месяцев Нардис все еще воспринимал кровь как единственный источник питания, поэтому одна только мысль, что он может остаться голодным, приводила его организм в состояние, близкое к тому, какое испытывает хищник при виде беспомощной жертвы. Его мозг тут же начинал работать быстрее, улучшалась память, скорость реакции, на отметку «превосходно» выходило умение контролировать каждый свой шаг, каждый вздох... Одним словом, при виде крови весь его организм приводился в полную боевую готовность, но такова уж теперь его природа.

Впрочем, сама по себе идея выглядела заманчивой, да и против экспериментов я никогда не возражал, поэтому на протяжении нескольких последующих недель программа тренировок была изменена, и это неожиданно дало неплохой эффект.

– Как ни странно, но это работает, – заключил я, когда подытожил результаты и убедился, что парень не ошибся. – Ты стал более собранным, лучше концентрируешься, легче

успокаиваешься и гораздо быстрее прогрессируешь.

– Запах крови все еще сводит меня с ума, – нахмурился Нардис. – И мне это не нравится.

– Повесь на пояс флягу. Или обмажь кровью камешек и запихай в нагрудный карман. Чем быстрее ты привыкнешь к запаху, тем быстрее он перестанет тебя будоражить.

Собственно, так мы и сделали, обновляя кровь раз в несколько часов. Благодаря чему со временем парень действительно привык к ее специфическому запаху, а еще через какое-то время с радостью отметил, что испытывает желание попробовать в качестве пищи что-нибудь еще и уже не теряет рассудок при виде живой добычи.

Только после этого я вывез его на охоту и, забравшись в самую что ни на есть глухомань, где нет людей и других разумных, позволил самостоятельно загнать лесного оленя. Для обычного человека задача непростая, но Нардис справился в два счета. Нашел, догнал и... к сожалению, бедному зверю не повезло, потому что в последний момент наш подопечный все-таки потерял над собой контроль и разорвал животное в клочья.

Мы с Мором имели сомнительное удовольствие наблюдать этот процесс во всех подробностях, а заодно делали заметки и даже комментировали происходящее, когда подавившийся инстинктам парень жадно рвал несчастного оленя на куски.

Потом Нардис, правда, пришел в себя и устыдился. Домой

явился понурый и почти отчаявшийся. Одежду долго отстирывал сам, сам же затем отчищал от крови новые сапоги. О чем-то после этого долго думал. Советовался с Мором. Расспрашивал меня. Снова напряженно размышлял. Бродил вокруг пещеры неприкаянным призраком. Однако это неожиданно дало свои плоды, потому что со следующей охоты он вернулся более или менее вменяемым и даже принес с собой немного мяса. После третьей притащенный им труп (на этот раз кабаний) был почти целым и даже не слишком покусанным.

Но мало-помалу дело шло, с каждым разом Нардис справлялся все лучше. И вот, наконец, настал тот день, когда он смог догнать быстроногую лань и, повалив ее на землю, остановиться.

Он не сорвался, когда обессиленный зверь шумно под ним задышал. Не набросился на него с рыком. А сначала помедлил, принюхался, подумал, после чего умело зафиксировал голову животного и, припав к его горлу, аккуратно напился.

– Ты ее не убил, – заметил я, когда парень оторвался и, достав из кармана платок, так же аккуратно вытер рот.

Нардис сдержанно улыбнулся.

– Стук чужого сердца все еще пьянит меня... запах страха чувствуется буквально кожей, но сейчас я могу от этого отстраниться. Это больше не сводит меня с ума. Да и не хочу я ее убивать – мяса у нас пока достаточно, а просто так отнимать у кого-то жизнь... Не хочу и не буду!.. – твердо сказал

он и, отпустив бедное животное, поднялся с земли.

Молодец. Если бы он сам до этого не дошел, я бы в нем разочаровался.

– Хороший знак, – одобрительно кивнул Мор, когда Нардис убрал платок и отошел в сторону, давая дрожащей от страха лани встать. – Еще немного, и его можно будет вывести в люди.

– Рано, – непреклонно ответил я. – Пусть для начала заново научится есть. И вести себя как человек. А там уже посмотрим, можно ли его пускать в приличное общество.

Глава 3

Когда мы вернулись в Даман, там уже ощущалось приближение осени.

В такое время столица словно прихорашивалась перед наступлением холодов, примеривала на себя осенние одеяния. В небе уже отчетливо пахло прохладой, на тротуарах все чаще встречались лужи, яркие городские краски заметно потускнели, выцвели, да и во всем остальном Даман неуловимо менялся. Не слишком быстро, но достаточно, чтобы это заметил тот, кто уже давно тут не был.

Стоило Нардису увидеть наш старый дом, как он непроизвольно замер. А когда парень переступил порог, то и во все впал в непродолжительный ступор. Оно и неудивительно: с момента, когда он в последний раз тут был, прошло довольно много лет. С тех пор и дом обветшал, и обстановка внутри изменилась, однако ничего этого Нардис, пока был мертв, не застал, поэтому для него все выглядело так, будто он покинул Даман буквально на днях, а вернувшись, обнаружил некогда приличное здание чуть ли не в руинах.

– Ты что, за домом совсем не следишь? – с укором посмотрел на меня Нардис, когда открыл дверь и вошел внутрь. – Полы не мыты, двери не крашены, кухня вообще скоро паутиной зарастет...

Я бросил в угол мешок с вещами и подобрал с пола валя-

ющуюся там записку.

– Времени до утра полно, так что хозяйничай. Кроме нас, тут никого нет и не будет.

– А ты куда? – встрепенулся парень, заметив, что я не спешу раздеваться, а, прочитав записку, снова развернулся к двери.

– Пойду прогуляюсь. Нужно кое-кого навестить.

– Кого? Нума? Лемана? Можно мне с тобой?

Я посмотрел на него с сомнением.

– А по дороге никого не загрызешь?

Нардис в ответ демонстративно хлопнул ладонью по выпуклому боку висящей на поясе фляги.

– Если что, отсюда напьюсь. Станет совсем туго – вернусь... Ты ведь сам сказал, что мне нужно привыкнуть. А где это легче сделать, если не рядом с тобой?

Я, недолго поразмыслив, все-таки согласился, что под моим присмотром шансов выдать себя у Нардиса гораздо меньше, чем если бы он отправился гулять в одиночестве. Поэтому спустя полчаса мы вышли на улицу вместе, а в доме осталось сразу два маячка для индивидуальных порталов – на случай, если парень себя все-таки переоценил и возвращаться нам придется в спешке.

Как ни странно, надевать на него намордник не пришлось, хотя по дороге он постоянно вертел головой, с удивлением рассматривая изменившуюся столицу. То и дело шумно раздувал ноздри, жадно пробовал на вкус столичный воздух и,

кажется, слегка обалдел от изобилия всевозможных запахов. То ли дело в горах, где его соседями были лишь я, Мор и костяные гончие. Тогда как тут... столько живых разом и так близко, что только руку протяни...

– Я их чувствую! – пораженно сообщил он, когда мы миновали улицу Погасших фонарей и свернули в соседний проулок. – Всех до одного! Даже отсюда слышу, как у них бьется сердце! И то, как они пахнут... как злятся, радуются и потеют от страха... это просто поразительно!

Его алые глаза кровожадно сверкнули, но широкие поля шляпы, которую я заставил надеть Нардиса перед выходом, почти сразу скрыли их предательский блеск. Высокий воротник добавил парню солидности. Длинный черный плащ – еще и некоторой таинственности. Ступать в окружении такого количества потенциальной добычи он стал совершенно бесшумно... инстинктивно... и впрямь, словно хищник, почувывший запах дичи. Так что, если бы не голос и не шумное дыхание, его можно было бы принять за тень. Да-да, в том числе и ту, что беззвучно кралась за нами вдоль обшарпанных стен.

Когда впереди раздались быстрые шаги, я насторожился. Кажется, прохожий. Один. Идет в нашу сторону. А у меня тут измененный мальчишка, готовый вцепиться кому-нибудь в глотку...

– Доброго вечера, – вежливо приподнял шляпу вывернувшийся из-за угла незнакомый мужчина.

– Доброго, – машинально отозвался я.

Нардис промолчал. Его плечи явственно напряглись. Беспечный прохожий, явно куда-то торопясь, буквально пробежал мимо него, обдав смесью тепла, запахов человеческого тела и хорошего вина, отчего у парня опасно загорелся взгляд. Однако он не сдвинулся с места. А когда силуэт растаял во тьме, Нардис повернулся и вопросительно приподнял одну бровь, словно спрашивая, выдержал ли он испытание.

Я, поколебавшись, кивнул, и его плечи тут же расслабились, хотя скрутившее Нардиса напряжение ощущалось буквально кожей. Однако он сумел себя сдержать. И даже спокойно продолжил путь. Правда, несколько раз при виде прохожих его рука все же тянулась к висящей на поясе фляге, однако тут же отдергивалась, словно парень упорно боролся с искушением и в конце концов все-таки смог его победить.

Побродив по округе для верности еще полчаса и убедившись, что проблем действительно не будет, я поймал пустой экипаж и назвал вознице адрес.

– Улица Светлая? – удивился Нардис, услышав название. – Что, правда? Это же район богатеев! Нас туда стража не пустит!

Я на это только усмехнулся.

– Пока ты спал, в столице многое изменилось, поэтому теперь самые скверные дела вершатся не под покровом ночи, не в подвалах и подворотнях, а в богатых особняках, под

блеском золотых люстр и в окружении немислимой роскоши.

– Что, бандюганы вдруг стали приличными гражданами, раз им позволили селиться в Верхних кварталах?

– Правила изменились. Хотя ты прав – с некоторых пор, чтобы туда попасть, стали не нужны родовитые предки. Теперь достаточно иметь нужные связи и очень много денег.

Нардис покосился на меня.

– Но сам-то ты все равно предпочел поселиться в развлохе на улице Погасших фонарей?

– Там мое отсутствие не так заметно, как здесь. Да не волнуйся – за домом все время присматривают, так что наш визит, скорее всего, не станет неожиданностью.

Я оказался прав. Когда экипаж подкатил к нужному особняку, нас уже встречал у ворот вышколенный дворецкий, а в окнах второго этажа, несмотря на поздний час, горел свет.

– Мастер Вильгельм, – склонился при моем появлении дворецкий. – Нам передали, что вы, возможно, появитесь. Вас уже ожидают.

– Господина Лемана тоже известили?

– Старый хозяин совсем плох стал в последнее время, – не поднимая головы, посетовал слуга. – Но весточку ему отправили. В ближайшее время ждем ответа.

– Благодарю. Провожать не нужно. Это со мной.

Дворецкий молча посторонился, давая Нардису пройти, и ничего не сказал насчет посторонних. Однако, как только

мы отошли, в его руках появился переговорный амулет, так что в доме нас встретили без всякого удивления.

– Мастер Вильгельм, – вежливо присела молоденькая горничная, на которую мы наткнулись в холле. – Госпожа сегодня принимает в малом кабинете. Вам что-нибудь принести?

– Благодарю, нет.

Девчушка коротко поклонилась и исчезла, явно осведомленная о моих привычках. Я же поднялся на второй этаж, отыскал нужную дверь и, без предупреждения ее толкнув, вошел внутрь.

Малый кабинет хозяйки дома был обустроен в строгом лаконичном стиле, обставлен минимумом мебели и ничем не напоминал дамский будуар. Скорее, это был мужской кабинет, причем сугубо деловой, не для широкой публики. Однако, когда мы с Нардисом вошли, из-за стола поднялась миниатюрная, стройная и весьма миловидная леди лет тридцати пяти, которая при виде меня искренне улыбнулась.

– Здравствуй, Вильгельм. Получил-таки мою весточку?

Я поискал глазами, куда бы кинуть плащ, и кивнул.

– И тебе привет, Лу. Да, только что прочитал. Как у тебя дела? Как батюшка? Все ли спокойно?

Женщина стрельнула глазками в сторону Нардиса и кокетливо поправила выбившийся из прически белокурый локон.

– По-разному. С отцом тоже все непросто, но думаю, он будет рад тебя увидеть. А что за гостя ты привел в мой дом? Я его знаю?

– Скорее всего, нет. Когда-то он работал с твоим отцом. Надеюсь, что сумеет поработать и с тобой. Знакомься, это Нардис. Моя правая рука.

– Луара Орье, – мягко улыбнулась леди, протягивая изящную ручку. – Но для своих – Луара Леман.

Нардис посмотрел на нее с откровенным сомнением.

И неудивительно. О том, что у Лемана есть дочь, до определенного времени не знал даже я. Поначалу все свои надежды он возлагал на сыновей, однако старшего убили лет десять назад во время одной из бандитских разборок, а младший вскоре после этого погиб в страшном пожаре, и исполнителей, насколько я знал, так и не нашли.

Смерть сыновей Леман перенес тяжело, однако наличие дочери никогда не афишировал. Она росла вдалеке от столицы и до поры до времени не касалась его дел. Однако, когда пришло время, Луара неожиданно проявила интерес к отцовской работе, а также редкую для женщины деловую хватку, недюжинное упорство и несомненное мужество. А в результате не только сохранила, но и преумножила семейное дело, тем самым всецело оправдав надежды своего старика.

Нардис тоже не ожидал, что наследницей огромной империи Лемана окажется женщина, поэтому при виде хрупкой на вид леди его обуял кратковременный ступор. Однако потом он все же отмер, немного поколебался, после чего принял руку дамы и, явственно задержав дыхание, аккуратно коснулся губами белоснежной кожи.

– Рад знакомству.

Голос при этом у него стал хриплым, словно простуженным, под шляпой снова опасно блеснули два алых уголька, однако и на этот раз он сумел с собой справиться, так что леди, к моему удовлетворению, не пострадала.

– Ну, а теперь к делу, – резко сменила тон Луара, когда Нардис отпустил ее руку и, низко наклонив голову, отступил на шаг. – Мы нашли то, что ты просил.

– Где? – встрепнулся я.

– В Шэйре. Один из моих осведомителей заметил символ, похожий на тот, что ты мне показывал.

– Кладбище?

– Да, на надгробном камне, – кивнула преобразившаяся леди, и в ее голосе зазвучали стальные нотки, так свойственные ее знаменитому отцу. – Еще один знак был замечен на границе Черуольского королевства. И третий...

– Дай угадаю... Орский край? Где-нибудь на окраине, в центре жутко древнего, почти стертого с лица земли и давно никому не интересного захоронения, да еще, небось, и на надгробной плите какой-нибудь разграбленной могилы?

Луара прищурилась.

– Значит, ты знал?

– Нет. Но когда ты сказала про кладбище, кое-что стало проясняться...

Я сел в первое попавшееся кресло и ненадолго задумался.

– Мне нужны координаты.

– Карта с отметками подойдет? – премило улыбнулась ле-
ди.

На что я благодарно кивнул и признал:

– Ты, как всегда, мыслишь на несколько шагов вперед.
Еще информация есть?

– Из хорошего могу сообщить, что Нарин... внучок нэ-
ла Тарио, который когда-то с тобой работал... Так вот, он
вырос, благополучно окончил исторический факультет Да-
манского общеобразовательного университета и уже три го-
да как занимает должность старшего архивариуса в столич-
ном архиве.

– Все-таки пошел по стопам деда... Отлично! Он уже со-
зрел для работы с нами?

– Думаю, да. Да и аванс за обучение в столице ему в любом
случае придется отработать.

Я ненадолго прикрыл глаза.

Вот что значит заранее позаботиться о будущем. Стари-
ка Тарио давно нет в живых, прямых наследников у него не
осталось, однако младший внучок его родной сестры, кото-
рый в детстве частенько бывал в гостях у деда, в том чис-
ле и когда тот работал на меня, оказался мальчишкой лю-
бознательным и неглупым. После смерти старика я решил
за ним присмотреть в надежде, что детское увлечение ри-
сунками из дедовой коллекции перерастет в нечто большее.
Немного подправил линию его судьбы. Чуток подстегнул его
интерес. Поручил Леману и его людям за ним присмотреть,

а заодно направить в нужную сторону. И вот через двадцать лет из бойкого и любознательного мальчугана вырос полноценный архивариус, уже неплохо подкованный в ведьмином искусстве и готовый с головой окунуться в древние тайны.

– Это хорошо, – проговорил я, подозревая, что парня уже сто раз проверили, прежде чем Луара сказала за него свое веское слово. – А из плохих новостей что можешь сказать?

Леди вернулась за стол и положила ладони перед собой.

– У нас появились сложности на северо-востоке. Как ты помнишь, в силу ряда причин производство одноразовых индивидуальных порталов нам пришлось перенести на окраину империи. Но пару недель назад одну из перевалочных баз вскрыли, и оттуда пропала целая партия экспериментальных телепортов.

– Разве на них нет защиты?

– Есть, – кивнула Луара. – Как и на старых приборах, при попытке вскрытия корпуса внутри активируются сразу два заклинания, и ведьмины руны, на основе которых работают артефакты, тут же уничтожаются. Так что даже при потере или перепродаже шансы, что принцип их работы станет кому-то известен, минимальны.

– Но ты все-таки предполагаешь худшее и думаешь, что у кого-то наконец-то появился функционирующий образец? Похоже, у тебя завелась крыса.

Она подняла на меня потяжелевший взгляд.

– С этим я справлюсь. База полностью уничтожена, но и

это не та потеря, которая способна обрушить наши позиции. А вот образцы нужно найти.

Я кивнул.

Это верно. У Лемана больше двух десятилетий получалось водить за нос не только конкурентов, но и ИСБ, и регулярно выбрасывать на рынок одноразовые телепорты нового поколения. Аналоги у империи, конечно, были, однако крайне дорогие, громоздкие и неудобные в использовании, поэтому немудрено, что за новый товар в свое время развернулись настоящие торговые войны.

Одну из таких войн я застал, еще будучи в Дамане частым гостем, вторая и третья прошли мимо меня, оставив Лемана без наследников мужского пола. Ну, а четвертая, полагаю, ведется и по сей день. Однако до сих пор имперским ищейкам не удавалось напасть на наш след, а им в руки попадали только неработающие образцы. И вот теперь Луара утверждает, что нас кто-то сдал...

Но кто? Принцип работы артефактов был известен лишь очень ограниченному кругу лиц. Все колдуны, имеющие доступ к информации, были наперечет, каждого наверняка сто раз проверили, и каждый в свое время давал Луаре магическую клятву. Специалистов уровня нэла Тарио в империи тоже не имелось. Я в свое время успел в этом убедиться. А после его смерти нам пришлось ждать почти двадцать лет, пока не подрастет смена.

И все же Луара считает, что это предательство?

Встретив чрезвычайно острый взгляд леди, в изящных ручках которой были сосредоточены нити управления без преувеличения целой империей, я мельком подумал, что Леман воспитал достойную преемницу.

– Тебе известно, где артефакты сейчас? – спросил я, прокрутив в голове возможные варианты.

– На одном из ящичков был поисковый маячок, – тут же отозвалась Луара. – Последний сигнал, который от него поступил, пришел откуда-то из района южной оконечности Норейских гор.

– Через какое время после диверсии?

Женщина беспокойно переплела пальцы.

– Через сутки.

– Они успели оказаться так далеко всего за сутки? – нахмурился я. – Напомни-ка мне, возле вашей базы есть хотя бы один стационарный телепорт?

– Нет, мы пользуемся своими. А до ближайшего имперского три дня пути.

– Так. А что на дорогах?

– Мои люди обошли все близлежащие тракты, деревни и постоянные дворы. Никто не видел, чтобы в то время поблизости шли вооруженные отряды или караваны под усиленной охраной. Из числа тех, что показались нам подозрительными, груз был доставлен в ближайшие города в целостности, и в нем не нашлось ничего крамольного. Сам же маячок успел подать сигнал всего дважды. Сразу после похищения, в точ-

ке, расположенной шагах в ста севернее от базы. И потом дал о себе знать только через сутки. Затем сигнал исчез. Но предел дальности наших артефактов вполне укладывается в это расстояние, поэтому я и решила, что нападавшим был известен принцип их работы и для отхода они воспользовались захваченными телепортами.

– И никто не видел нападавших?

Луара качнула головой.

– Они не оставили свидетелей. База не просто разграблена – ее разрушили и сожгли подчистую. Оборудование испорчено. Персонал убит, тела разрублены на части и сожжены. Но число черепов в точности соответствует количеству работавших. Никто из них не пропал. Тел чужаков мы тоже не нашли. Зато почти весь товар был вывезен, включая переговорники и экспериментальные телепорты.

– Тогда участие ИСБ в этом деле менее вероятно, они бы предпочли взять языка... – Я снова ненадолго задумался. – Может, кто-то из конкурентов?

– Пока с этой стороны тихо.

– А сама-то что думаешь? Есть вероятность, что в мир пришла новая сила?

– Все конкуренты нам известны, и ни у кого не хватило бы наглости нас ограбить. А если приходит кто-то новый, то слухи все равно ходят, – неестественно ровно отозвалась дочь Лемана. – Но прошло больше двух недель. Артефакты так нигде и не всплыли. На рынках тоже ничего нового не слыш-

но. Осведомители упорно молчат, так что если тут и замешаны чужаки, то они соблюдают осторожность. А если это все-таки ИСБ, то у них какие-то странные методы борьбы с преступностью. Всего одна база, никаких обысков и арестов... Для них это нетипично. Да и убивать наших людей им ни к чему – тюремные палачи работают гораздо эффективнее походных, а из магов и колдунов можно было вытянуть массу полезной информации.

– Хорошо, – кивнул я, поднимаясь из кресла. – Дай мне координаты. Проверю сам. Нардис, как насчет ночной прогулки?

– Всегда за, – глухо отозвался из-под капюшона парень, старавшийся во время беседы находиться от леди как можно дальше.

– В таком случае не прощаемся, Лу. Отец пускай не спешит. Думаю, через день-другой увидимся.

* * *

С перемещением особых проблем не возникло. Координаты Лу нам дала, индивидуальный портал и телепортационный маячок Нардуса тоже, но поскольку совсем уж точно с моими отметками на карте координаты не совпали, то нам пришлось слегка пробежаться по лесу. Около трех часов мы с Нардисом провели в пути, и за это время парень несказанно меня порадовал. Со мной держался наравне, почти не от-

ставал, передышек не просил, на солнце не ныл, да и вообще перенес долгий и утомительный путь на удивление неплохо.

– Вот теперь из тебя получился достойный компаньон, – заметил я, когда мы все же остановились, и Нардис щедро глотнул из фляги. – Как самочувствие? Устал? Вспотел?

Нардис, закрутив крышку, мотнул головой.

– Оголодал малость. А так – даже ноги не болят. И дышалка тоже в порядке.

– Очень хорошо. Но дальше пойдем пешком, а то на такой скорости велик риск промахнуться.

Он потянул носом.

– Вроде бы гарью тянет.

– Откуда? – удивился я. – Две недели же после пожара прошли.

– А пепел в воздухе все еще чувствуется, так что я, кажется, знаю направление. К утру как раз дотопаем.

Ну, к утру так к утру. Мое обоняние, увы, оставляло желать лучшего, так что пришлось поверить парню на слово. Однако Нардис и на этот раз оказался на высоте, так что примерно за час до рассвета мы наткнулись на две наезженных колеи и по ним благополучно вышли к нужному месту.

Пепелище оказалось огромным. Целый участок леса был выкорчеван и выжжен подчистую. В центре, насколько я мог судить, когда-то стояли деревянные дома и сараи. Снаружи все их обнесли крепким тыном, от которого сейчас остались одни угольки. Человеческих тел нигде не было видно, а вот

на два полуобглоданных лошадиных скелета у самого леса мы все-таки наткнулись.

– Что за зверь? – нахмурился Нардис, присев возле трупа. – На черепушке такая дыра, словно бедолагу бревном ударили. Тут что, великаны порезвились?

Я оглядел вторую лошадь, но повреждения и впрямь были нетипичными – бедную животину не застрелили, не проткнули копьем... Ее ребра были буквально перемолоты в кашу. Да и кости ног явно носили следы прижизненных повреждений, как если бы конягу кто-то подбросил воздух, а потом она и брякнулась вниз, переломав не только ноги, но и шею.

Следов от мелкого лесного зверья тоже было вдосталь, тут явно успели побродить и крысы, и мыши, и даже лесной кот. А вот присутствия крупных хищников я отчего-то не приметил.

– Странно, – пробормотал Нардис, оставив в покое трупы. – Следов зубов очень мало, да и кости почти не растащены.

– Да, на мертвечину позарилась одна мелкота. А где бьерыны? Они вроде не брезгают падалью. А волки? Да хотя бы лисы!

– Вот и я о том же, – согласился компаньон, и мы на пару с ним вошли на разоренную базу. – Интересно, кто же это сумел настолько запугать все окрестное зверье, что они даже не подошли к телам?

Впечатления от базы у меня тоже остались неоднозначными.

Определенно на людей Луары напали, пожар тоже вряд ли возник сам по себе, однако на останках тына, на обгоревших стенах, балках и вообще нигде не было следов стрельбы. И ни в одной деревяшке не торчали ни арбалетные болты, ни стрелы.

– Совсем странно, – буркнул себе под нос Нардис. – Люди здесь что, не оборонялись?

– Может, их срубило магией? – предположил я. – К примеру, усыпили, парализовали... За время твоего отсутствия магическая наука тоже на месте не стояла.

– Вот это вряд ли, – вдруг подал голос дотоле молчавший Мор. – Времени, конечно, прошло много, но после применения стихийной магии следы потом еще долго можно найти. А их тут нет. Вернее, есть, но довольно специфические, в одном-единственном месте. Вон там.

Материализовавшись, он ткнул пальцем в одно из некогда самых больших строений, от которого остались лишь обгоревшие балки.

– Все началось там. А уже потом огонь расползся по всей округе, так что голову даю на отсечение, что причиной пожара послужил взрыв одного из артефактов.

– Для одного артефакта разрушений многовато, – усомнился Нардис.

Я качнул головой.

– Здесь наверняка было много разного добра. Амулеты, артефакты... Сам посуди: база довольно крупная. Дорога тоже наезжена. Так что использовали ее давно и активно, поэтому помимо артефактов тут могло храниться много чего еще. Первый взрыв мог спровоцировать второй, потом третий и дальше по списку, особенно если магические штуковины хранились рядом. Пройдись-ка по округе, поищи следы. Народу тут, конечно, много успело потоптаться. Но чем Саан не шутит – может, тебе удастся что-то найти.

Нардис кивнул и исчез, сорвавшись с места с запредельной для обычного человека скоростью. Ну, а мы с Мором разворошили старые доски и, обнаружив обгоревший люк, решили заглянуть в подвал.

– Скоро светает, – предупредила тень, – долго я тебе помогать не смогу.

Я только отмахнулся. Мои глаза и так прекрасно видели в темноте, так что по большому счету я и один справлюсь.

В подвале, правда, ничего интересного не нашлось. Ну, это я так сначала подумал. Однако потом среди разломанных досок, осколков стекла и целых туч свежего пепла мне на глаза попался чудом уцелевший деревянный обломок, на котором виднелись следы чьих-то когтей.

После этого я внимательно осмотрел сам люк, остатки обгоревшего пола и возле самого порога нашел еще одну царапину. Из того же, вероятно, источника. После чего выбрался наружу и, свистнув Нардису, коротко сообщил:

– У меня появилась версия.

– У меня тоже, – кивнул компаньон, продемонстрировав кусок разорванного седла, на котором остались точно такие же царапины, какие нашел я.

– Что за версия? – полюбопытствовал Мор, чье время пребывания в нашем мире стремительно подходило к концу.

– Нападавшие прибыли сюда по воздуху, – уверенно заявил Нардис, отбрасывая улику в сторону. – Я обошел все вокруг, но следов просто нет. Значит, ни по дорогам, ни лесом они не перемещались. Да и леди сказала, что крупных вооруженных отрядов поблизости не видели. Значит, остается только небо. Еще я видел звериные следы – крупнее волчьих, но меньше, чем у бьерна. Следопыт из меня, конечно, еще тот, но зверь был определенно велик. И еще рядом с ним я увидел одинокий, уже частично оплывший отпечаток мужского сапога.

Призрак снова хмыкнул.

– Умение быстро перемещаться, сила, когти, необычное зверье, скорее всего, принесшее на своих спинах всадников, да еще из окрестностей Норейских гор... Вилли, тебе это ни о чем не напоминает?

Я оскалился.

– Еще как напоминает. Думаю, настало время навестить наших крылатых друзей.

Глава 4

Горы встретили меня метелью, сильным ветром и вообще оказались не слишком приветливы. Нардиса я на этот раз с собой не взял – возле долины оборотней маячок портала работать не захотел. На соседних скалах тоже ничего не получилось. А просто так закидывать парня туда, где его когда-то убили, я не желал, поэтому-то и вернул его обратно в Даман.

Мор тоже ушел, сославшись на солнце. Ну, а я все-таки открыл портал и, выйдя на той же скале, где не так давно проклял целый народ, с любопытством посмотрел вниз.

Ну, что сказать?.. Долина по-прежнему жила и с виду даже почти не изменилась. Люди все так же беспечно перемещались между домов. Во дворах и на улицах все так же играли с малолетними грифончиками дети. Мужчины таскали дрова для печей, женщины, как и положено, готовили и убирали... И только через час я, вдосталь насмотревшись на примитивный быт оборотней, удовлетворенно кивнул.

Проклятие работало. Ни одной смены облика за все это время и ни одного портала я не увидел. Грифоны остались, да, без них долина попросту не выжила бы. Но по повадкам теперь это были почти обычные звери. Больше того, их даже кормили на улице, как собак. Какие-то зачатки разума у них, скорее всего, остались, но лет через сто не останется даже и этого, и вот тогда моя задумка исполнится полностью.

Так, ладно. С оборотнями все ясно, надо теперь понять, куда они утащили артефакты.

Внизу их не оказалось. Я бы заметил. В скалах и по соседним горам их вряд ли распихали – это было бы слишком опасно. Остается схрон, тайник или просто пещера, куда они могли стащить награбленное добро. Но без помощи самих оборотней я ее вряд ли быстро найду, а сами они, разумеется, не скажут.

Значит, надо будет найти добровольца. Совершенно точно мужского пола и достаточно осведомленного о подобных вещах. Но хватать первого встречного мне показалось бессмысленным, так что наилучшим вариантом будет вожак. И если я правильно догадался насчет его личности, то найти его окажется не так уж сложно.

Отыскав взглядом самый большой дом, в котором, как и везде, несмотря на раннее утро, всюду кипела жизнь, я аккуратно переместился вниз, так, чтобы портал скрылся в тени. Осмотрелся. Изучил доступные взгляду ауры. И, найдя среди них одну знакомую, довольно кивнул.

Отлично. Все еще живой, такой же здоровый... вот только на этот раз то ли регенерация его подвела, то ли проклятие и тут поработало, но искалеченные ноги у него так и не зажили.

Улучив момент, когда рядом с вожаком не осталось посторонних, я создал еще один портал и вышел прямо посреди комнаты с увечным.

Хм. За двадцать лет он явно постарел... Не так чтобы очень, для человека – вообще почти незаметно, однако его некогда черные волосы теперь полностью побелели, на мужественном лице появились глубокие морщины, глаза выцветли, потускнели, а голос стал хриплым, словно у простуженного дровосека.

– Ты-ы?! – просипел он, неверяще уставившись на мою объятую черным дымом фигуру.

Я мельком огляделся.

Отлично. Двор пуст. Соседние две комнаты тоже пустуют. На первом этаже находятся сразу двое разумных, но, судя по силуэтам, это всего лишь женщины, которые мне уж точно не помешают.

– Вздумаешь поднять шум, всех незваных гостей разберу по косточкам, – предупредил я, когда немолодой оборотень сжал кулаки. – Свое наказание вы уже получили, поэтому без причин я больше никого не убью. Но если мне кто-то помешает, не обессудь.

– Что тебе нужно?

– Две недели назад кто-то из вас наведалься в одно лесное имение в сутках полета отсюда. Имение разорили. Товар забрали. Я хочу знать зачем.

На лице мужчины проступило отвращение.

– Так это была твоя контрабанда? И твои люди? Что ж, значит, мы не зря там выжгли все до самой земли!

Я внимательно на него посмотрел.

– Зачем? Они вам не мешали.

– Какой мне резон отвечать? – вместо ответа усмехнулся оборотень. – Если захочешь, ты все равно убьешь. А веры тебе, тварь поганая, никогда не было и не будет!

– Это не я на вас напал, а вы меня убить пытались, – сухо напомнил я, глядя, как медленно, но верно пальцы мужчины подбираются к ножу на поясе. – Так, где артефакты? Вы их спрятали? Продали? Кому-то передали? Уничтожили... Значит, уничтожили, – кивнул я, уловив мимолетное раздражение в глазах собеседника. – Зачем? Кто вам за это заплатил?

– Пошел прочь, нежить проклятая! – устало выдохнул он. – Ничего я тебе не скажу!

Я вместо ответа отпустил проклятие, позволив ему заполнить большую часть комнаты и высунуться самым краешком за порог. Просочившись под дверь, оно неохотно застыло, ожидая только разрешения рвануть дальше, но мне не хотелось торопить события. Все же был шанс, что клыкастый упрямец одумается и не рискнет накалять обстановку.

– Так что? – спросил я, глядя в его выцветшие от горя глаза. – Мне повторить вопрос или все же ответишь?

И вот тут оборотень меня удивил – вместо того чтобы выхватить из-за пояса нож, он всего лишь поддел пальцами неудобную пряжку. Пояс вместе с ножнами грохнулся на пол, тогда как сам мужчина...

Мда, давно я не видел столь быстрой и полной трансформации.

Он изменился мгновенно. Без хруста костей, без воя, без рыка и стога... просто сидел на стуле немощный почти что старец, и вдруг вместо него от пола оттолкнулась здоровенная зверюга, у которой когти только на передних лапах были с мою ладонь, а клыки и того хуже. Раскосые желтые глаза, длинные усы, мощные лапы, широченная грудная клетка, откуда вырвался бешеный рев...

Признаться, в первый раз мне довелось увидеть такого странного зверя, похожего одновременно и на бьерна, и на волка, и на огромного лесного кота. Абсолютно седая шерсть, мощный торс, острые когти, длинные зубы... Но рассматривать его было некогда. Несмотря на покалеченные задние лапы, двигалось существо все так же быстро, и мне несказанно повезло отделаться всего лишь царапиной на груди, тогда как промахнувшийся оборотень рухнул прямо на черное облако и захрипел, когда проклятие, которое я не успел отозвать, жадно набросилось на живую плоть и в мгновение ока обглодало ее до костей.

Бум-с! – клацнув зубами, рухнул на гладко выструганные доски идеально чистый, до блеска отполированный звериный череп.

Тук-тук-тук! – одно за другим посыпались вниз такие же белые ребра.

Ба-ам! – грохнулся рядом тяжелый таз, от падения которого ощутимо содрогнулся пол.

Я досадливо сморщился и отпихнул ногой свалившийся

рядом коготь.

Глупец. И смерть себе выбрал такую же. Я ведь не для того ему способности оставил, чтобы он так бездарно их растрачивал. Но если вместо мозгов у него осталась одна-единственная, да и та переполненная ненавистью извилина, то, может, в следующий раз оборотни выберут себе более благоразумного вожака?

– Дарэн Ми-и-иррт! – вдруг завыла внизу одна из женщин постарше, а следом на лестнице послышались торопливые шаги. – Он умер! Умер! Мой Дарэн только что умер!..

– Окстись, мать, – удивилась та, что спешила ко мне. – С чего бы вожаку помирать-то... О-о-ох, богини милосердные! Атари, бегом на улицу! Черная смерть вернулась!

– А-а-а-а! – продолжала голосить первая женщина, словно ее заело на одной низкой ноте.

– Мамочка! – вскрикнула невесть откуда взявшаяся внизу девчонка.

– Бегом отсюда! – взвизгнула мать и, судя по быстро удаляющемуся топоту, кинулась спасать дочку. – Живо! В скалу! К братьям!

– Дарэ-э-эн!

Я поморщился, услышав снаружи целый рой встревоженных голосов, которым вторил горестный вой новоявленной вдовы. А затем выглянул в окно и самую малость удивился. Странно... Оборотни спешили к дому вожака так быстро, слаженно и уверенно, словно женский вой донесся до друго-

го конца долины и поднял с постелей всех без исключения. Народ был зол. Даже, наверное, взбешен. Причем все они, включая женщин, оказались вооружены до зубов и выглядели так, будто уже знали не только про смерть вожака, но и о том, что именно стало ее причиной.

Дом моментально окружили. Кто-то, как назло, запасся факелами и арбалетами. В небе замелькали многочисленные крылатые тени, затем послышался гневный крик сразу на несколько сотен грифоньих глоток.

– Сжечь мерзкую тварь! – тут же зычно крикнул кто-то в толпе.

– Смерть отродью Саана! – подхватили остальные.

– Окружай!

– Следите, чтобы не ушел!

Вот ведь неугомонные. И откуда только узнали? Пресловутое чутье на нежить?

В дом тем временем полетели десятки зажженных факелов. Арбалетчики дружно взяли оружие на изготовку. Озлобленные мужчины оцетинились копьями, не менее разъяренные женщины приготавились метнуть в меня кто стрелу, а кто и обычный камень. Крыша над моей головой моментально вспыхнула. В комнату потянулся сизый дымок. Так что я подумал, все взвесил и после недолгого колебания открыл второй портал.

Ладно. Позже сюда вернусь. В конце концов, мне нужна информация, а не трупы. Но раз они все тут такие ненор-

мальные, то проще самому все сделать, чем допрашивать этих упрямец и раз за разом смотреть, как они мрут даже не ради себя или своего народа, а всего лишь за идею.

– Что-то ты припозднился на этот раз, – встретил меня по возвращении в кабинет Лу подозрительно знакомый голос. – Пришел в гости и сразу сбежал, даже не дождавшись моего приезда...

Я быстро обернулся, но при виде поднявшегося из кресла высокого подтянутого старика с седой бородкой, тщательно уложенными волосами и лукаво прищуренными серыми глазами слабо улыбнулся.

– И тебе не хворать, Леман. Похоже, с нашей последней встречи у тебя появилась дополнительная конечность?

Тот со смешком продемонстрировал изящную, выточенную из редкой породы дерева трость, на которую опирался, как на обычный костыль.

– Как видишь. Это ты вечно молодой и здоровый, а мне уже за восемьдесят, – снова усмехнулся старикан. – Ну, что расскажешь, где тебя носило в последние двадцать лет?

Я неопределенно пожал плечами.

– Дела...

– Дела? – хрипло рассмеялся он. – Что ж, достойный ответ. Пожалуй, зачту. Но тогда, может, ты мне про другое расскажешь?

Его взгляд вдруг неуловимо изменился.

– Что за помощника ты с собой привел, Вильгельм?

Я покосился в угол, где, почти скрывшись за занавеской, стояла молчаливая, закутанная в длинный плащ тень с ярко-красными глазами.

– Это ведь Нардис? – продолжал допытываться Леман. – Тот самый Нардис, про которого ты сказал, что он больше здесь не появится?

– А сам он что ответил по этому поводу?

– Ничего, – скривился старик. – Сказал, что без твоего разрешения общаться не будет, и после этого замолчал. Хотя походка, голос... Я почти уверен, что это он!

Я только вздохнул.

– Мне понятен твой интерес. И в чем-то он совершенно оправдан. Но нет, Леман. Это не тот Нардис, которого ты когда-то знал. В этом достаточно убедиться, просто посмотрев ему в глаза.

– Значит, он один из вас... – с разочарованным видом протянул мой бывший партнер.

– Да, – не стал отрицать я. – Так получилось. Куда ты подевал Лу?

Леман дернул щекой.

– Она умная девочка и знает, когда мужчинам нужно поговорить без свидетелей.

– Найди ее, – чуть повернув голову, бросил я компаньону. – Есть разговор.

Нардис поклонился и молча вышел.

– Что же по поводу моих дел, – продолжил я, вернувшись

к Леману, – то тебя они тоже касаются. Так что садись и слушай, потому что теперь у нас с тобой есть общий враг.

* * *

– В первый раз о таком слышу, – прикусила алую губку Лу, когда я закончил рассказывать. – Грифоны? Да еще и со всадниками? Мне всегда казалось, что грифоны – это миф.

– Значит, ты не знаешь, почему они это сделали? – осведомился Леман, вычленив из моей речи самое важное. – Мы ведь с ними не враждовали. Территории не делили. Но все же они напали, забрали товар... Может, их кто-то нанял?

Я качнул головой.

– Они там все малость чокнутые по поводу чужаков. Нападают сразу, без разговоров. Никакого плена, никаких обсуждений, только смерть. Вряд ли такие люди решились бы пойти под чью-то руку.

– Тогда, может, их к этому вынудили? Ты ведь говорил, что уже сталкивался с ними...

– Однажды, да. Но мы не нашли общего языка, хотя я очень старался быть вежливым.

– Почему ты не привел с собой кого-то из них? – с недоумением посмотрела на меня Луара. – У нас есть умельцы, способные разговорить любого.

– В тех краях не открываются порталы и не работает обычная магия. Так что увести оттуда никого не получится, а до-

прашивать на месте... Вожак предпочел умереть, лишь бы со мной не общаться. Остальные недалеко от него ушли. Так что проще было вырезать их всех поголовно, чем пытаться разговорить, но по ряду причин я бы не хотел этого делать. По крайней мере, не сейчас.

Лу беспокойно стукнула ноготками по столу.

– Очень странно все это. Если ты прав, то они хоть и живут в изоляции, но при этом не оторваны от цивилизации полностью. Одежда, оружие... где-то они должны все это брать. А раз всадники хотя бы иногда спускаются с гор, то так или иначе кто-то должен был их видеть. – Она вдруг тряхнула белокурой головкой, достала из ящика стола колокольчик и, как только на звон прибежала молоденькая горничная, чиркнула коротенькую записку. – Передай Нуму. Сроку ему даю три дня.

– Да, госпожа, – коротко присела девчонка и снова убежала.

– Теперь остается только ждать, – подвел черту Леман, когда за ней закрылась дверь. – Пока Нум собирает информацию, надо перевести людей в режим повышенной готовности. Пусть ожидают удара на всех направлениях. Может, нам повезет и во время следующей атаки кого-то из этих всадников удастся захватить живым?

Я кивнул.

Хорошая идея. Думаю, нам с Нардисом тоже стоит в этом поучаствовать. К примеру, проследить за перемещениями

грифонов в горах. Прикинуть, а не получится ли кого-то из них перехватить так, чтобы остальные не сразу спохватились. Подумать, чем на них можно воздействовать, если своя собственная смерть и даже смерть близких их не страшит. Попробовать разговорить, пусть даже не совсем законным способом. Арриола небось тоже не хотела со мной общаться на отвлеченные темы. Но всего одна капелька яда...

Да-да, знаю, что оборотни обычным ядам не подвержены. И магия на них воздействует кое-как. Но неужели в таком большом мире, как наш, не найдется ни одного подходящего средства?

Заметив, что Леман начал проявлять признаки истинно стариковской усталости, я сделал знак Нардису и поднялся из кресла.

– Пожалуй, нам пора.

– Будет время, загляни к старику, – тут же встрепенулся Леман. – У меня еще остались вопросы, но, учитывая обстоятельства, они могут и обождать.

– Куда теперь? – осведомился Нардис и, как только мы вышли на улицу, надвинул на глаза шляпу.

В гостях у Лу и ее отца мы откровенно засиделись, так что солнце успело не только выглянуть из-за горизонта, но и прилично взобраться по небосводу. Из-за этого Нардису с его чувствительными глазами было непросто находиться на улице. Однако его настрой меня порадовал, поэтому, как только поблизости нашелся подходящий тупичок, я открыл

еще один портал.

Надо было проверить, что там за символы отыскиали для меня люди Лу. И те ли это знаки, которые я старательно искал столько лет.

– Проклятье! – не сдержавшись, прошипел Нардис, когда я активировал очередной маячок и второй телепорт вывел его напрямик под яркое южное солнце.

Надвинутая на лоб шляпа почти не помогала. Погода была жаркой. Поднявшееся почти к зениту солнце пылало так, что от его одежды едва не повалил пар. И даже тот факт, что мы оказались не посреди пустыни (в Черуольском королевстве, как и в Шэйре, некоторая часть территорий была занята именно ей), а в глубине непроходимого леса, почти не исправил ситуацию.

– Сейчас, погоди, – пробормотал парень, слепо зашарив руками по карманам. Но довольно быстро выудил оттуда черный платок и сноровисто повязал на лицо. – Бегун из меня, конечно, не очень, но, надеюсь, на дерево не наткнусь.

Я только кивнул, отдавая дань сообразительности напарника, и, сориентировавшись по карте, потопал в сторону точки, координаты которой недавно получил от Лу.

Нардис, то и дело спотыкаясь, двинулся следом. Но, на его счастье, идти пришлось не слишком долго – всего-то до сумерек, которые в этих краях наступали неоправданно рано. Поэтому, как только солнце начало клониться к горизонту, Нардис снял повязку и выдохнул с облегчением. А потом и

ускорился, что еще больше сократило нам время на дорогу.

Жару он, кстати, перенес хорошо. Не взмок, не запыхался. Так что в итоге я все же признал, что его смерть была полезной, а потом и всерьез задумался, не стоит ли этот эксперимент повторить.

Один помощник с уникальными способностями – это, конечно, неплохое подспорье, однако если их будет больше, то моя жизнь упростится в разы. Быстрые, сильные, ловкие, почти неуязвимые... они с легкостью заберут на себя Саанову долю моих хлопот. Не говоря уже о том, что возможные трудности, включая пресловутых оборотней и их агрессивных птичек, они будут способны решить и без моего участия.

Единственное, о чем следовало хорошенько подумать, это вопрос лояльности. Но, думаю, парочка лишних рун в ритуале, дающих прочную привязку на крови, сумеют обеспечить их преданность и идеальное послушание.

– Саан! – вдруг с чувством воскликнул Нардис, споткнувшись обо что-то на полном ходу.

Взмахнув руками, он попытался удержать равновесие, но тут же задел сапогом какую-то кочку, оказавшуюся впоследствии вросшим в землю и покрытым густым слоем мха камнем, кувыркнулся в воздухе и растянулся на куче перепрелой листвы. Причем очень неудачно. Лицом вниз.

– По-моему, я что-то нашел, – глухо произнес он, не поднимая головы. После чего все-таки уперся руками в землю, с кряхтением встал и огляделся, вскоре отыскав содранный

мох, под которым скрывался не только злополучный камень, но и незнакомые большинству смертных символы. – Похоже, мы пришли?

Я тоже внимательно изучил находку, затем скovyрнул мох с другой такой же кочки, потом с третьей и, сверившись с картой, кивнул.

– Это определенно дело рук человека. Осталось найти местное кладбище.

– Разве это не оно?

– Нет. Если верить моим ощущениям, до цели еще полчаса бегом.

– Тогда что это? – указал Нардис на найденные мною камни с похожими символами.

Я пожал плечами.

– Что-то вроде предупреждения. Метки. Мол, вы входите на территорию ведьм, будьте осторожны.

Нардис округлил глаза.

– Хочешь сказать, в этих местах когда-то жили настоящие ведьмы?!

– Надеюсь на это. Да и знаки небось были нарисованы не просто так.

– Почему же тогда тут растет лес? И куда делись люди? Почему они все бросили и ушли?

– Кто знает, – рассеянно отозвался я. – Может, их тоже прокляли. А может, после ухода земля оскудела и на ней стало невозможно жить. Пойдем. Нам еще два таких места се-

годня надо проверить.

Нардис на это только головой покачал и на всякий случай отступил от камней подальше. Однако магия, если когда-то в них и была, давным-давно исчезла.

Кстати, о магии...

Вот ее Нардис, несмотря на все свои плюсы, так и не научился ни видеть, ни слышать, ни обонять. Видимо, раз уж ему в прошлой жизни это было не дано, то и в новой дополнительных свойств не появилось. Это нужно будет учесть, если я соберусь-таки создать себе помощников. А то как знать? Может, и нового колдуна мне понадобится найти всего один раз, а потом его на много лет хватит?

– Тсс... – тихонько прошипел Нардис, в очередной раз наткнувшись на торчащий из земли камень. – Саанов хвост, да сколько же их здесь?!

И правда. Камней на нашем пути стало попадаться все больше. Причем уже не округлых, а с острыми углами и похожих на обломки более крупного строения, о которые мой помощник так и норовил порвать сапоги.

– Вилли, ну, почему ты не избавил меня от боли, когда воскрешал? – с чувством возопил Нардис, споткнувшись в третий раз подряд. – Знаешь, как было бы здорово, если бы...

Наткнувшись на мой взгляд, он тут же осекся.

– А, ну да. Ты-то как раз это хорошо знаешь. И если так смотришь, то, по-видимому, не так уж это и здорово, да?

– Боль оберегает тебя от ненужных повреждений, – ответил вместо меня очнувшийся от спячки Мор, пока я аккуратно огибал здоровенную, покрытую сверху донизу мхом каменюку. – Как ты узнаешь, что тебе оторвали руку, если об этом не подскажет боль?

– Ну-у-у...

– А как поймешь, что кто-то усердно пилит твою шею или норовит отгрызть еще что-нибудь важное?

– Важное не надо, – беспокойно повел плечами Нардис. – Как же я без него? Тем более оно во всех смыслах еще рабочее и когда-нибудь наверняка пригодится.

Я только фыркнул. Мне в отличие от него плотские удовольствия были и останутся недоступными. Так что я и сейчас не понимал, что люди в них находят. К Нардису я с этим вопросом, правда, не обращался, да и его отлучки к дамам нетяжелого поведения меня не волновали. Но надо будет когда-нибудь просветиться по этому поводу, потому что в жизни простого человека это важный момент, а я собирался к нему когда-нибудь вернуться.

Пока я размышлял над этим спорным вопросом, деревья наконец поредели, а еще через четверть часа впереди начало просматриваться пустое пространство. Лес, который успел здесь нарасти за прошедшие тысячелетия, и впрямь вскоре расступился. А впереди открылась настолько невероятная картина, что я не сдержался – тихо присвистнул, слегка опередив в этом такого же опешившего Нардиси. И даже обычно

скупой на эмоции Мор при виде находки озадаченно крикнул:

– Ничего себе! Такого я не ожидал!

Глава 5

Это оказался котлован – огромный, размером с город. Пологие склоны были абсолютно лысыми – ни травинки, ни кустика. Деревья, которые раньше выглядели нормально, ближе к краю леса становились все более чахлыми, тощими и кривыми. А вдоль собственно котлована и вовсе не росли, так что отграничивали его от окружающего пространства лишь уже знакомые нам, частично вросшие в землю, покрытые многочисленными символами валуны.

Правда, если на границе ведьминских территорий они были покрыты густым мхом и за долгие годы почти целиком погрузились в землю, то здесь ни одна травинка не рискнула вырасти поблизости, ни одно семечко не сумело выжить. Да и земля тут настолько слежалась и окаменела, что валуны погрузились в нее наполовину, и теперь стало ясно, что на самом деле они огромны и совершенно явно отделяли котлован от всего остального мира.

А еще тут было неестественно тихо. Ни птичка в ветвях не чирикнет, ни шмель не пролетит. Ни следов зверья поблизости, ни нор – ничего. Только мертвая тишина и эти камни, словно часовые, стоящие на страже чего-то неведомого и опасного.

К слову, насчет опасности я не преувеличил – внизу, на дне гигантской рытвины, неспешно бродили самые причуд-

ливые создания, какие я только видел: человеческие головы на зверином теле... вместо ног – руки, приделанные на манер лапок у паука... искаженные и изуродованные неведомой напастью лица... оскаленные пасти... наполовину вывалившиеся глаза...

Несомненно, это была нежить. Но настолько причудливая и так сильно видоизмененная, что с первого взгляда было и не понять, из кого конкретного ее слепили.

– Ой, что-то мне нехорошо, – пробормотал вдруг Нардис, отступая от края.

– Вернись, – велел я. – Ты еще живой, а живым рядом со скверной не место.

Он не заставил себя упрашивать дважды и, развернувшись, потащился обратно в лес, почему-то держась одновременно и за живот, и за голову. При этом по дороге он снова споткнулся, нашумел. И как только царящую вокруг неестественную тишину огласила приглушенная ругань, твари внизу встрепенулись, а потом одна за другой полезли наверх.

Я с любопытством проследил, как похожий на каракатицу головорукый монстр проворно взобрался по песчаному склону, однако до нас с Мором ему не было никакого дела – уродливая морда, заметив исчезающую среди ветвей спину Нардуса, распахнула такую же уродливую пасть. Кривые руки, ловко цеплявшиеся пальцами за землю, напряжились. Сама тварь пригнулась, ринулась было вдогонку... но, добравшись до ближайшего валуна, внезапно остановилась,

клацнула зубами, зашипела и неожиданно заметалась вдоль невидимой черты, словно дальше ей не было ходу.

– Как интересно!.. – обронил я, следя за метаниями нежити. – Значит, за пределы внешнего круга она выйти неспособна. Магия ведьм?

Мор покружил вокруг ближайшего камня.

– Все может быть, хотя я ничего особенного не чую. Погляди: вот это очень похоже на знаки запрета, как в ведьмином круге. Помнишь?

– Ты прав, – согласился я, внимательно изучив выбитые на валуне символы. – Похоже, тот, кто тут жил, знал о нежити и предпринял меры, чтобы дальше этого места она не разбре-лась. И раз уж мы с тобой не видели в лесу следов, похоже, этому кому-то все удалось. Интересно, сколько же веков они тут уже бродят, не в силах выбраться наружу?

Призрак кивнул.

– Вот это-то и странно. Сам посуди: чтобы жить, сквер-не необходимо развиваться. А для этого, соответственно, ей нужна энергия. Но если ни одна тварь за долгие годы, а то и века, отсюда не выбралась, то где они взяли силы, чтобы существовать?

– Хороший вопрос. Пойдем взглянем, что внизу?

Многорукая тварь никак не отреагировала на то, что два нарушителя вдруг смело перешагнули невидимую границу. Признаться, я ожидал, что это будет нечто вроде барьера над Лазоревой долиной. Какой-нибудь купол, вязкий кисель,

проступающий из воздуха полог... Но нет. Мы просто прошли мимо камня, и все, так что изучить этот феномен поближе у меня не получилось.

А жаль.

Когда же мы начали спускаться, сзади послышалось недовольное бульканье, после чего головурукая тварь промчалась мимо нас вниз и по дороге окинула меня внимательным взглядом. Атаковать, правда, так и не рискнула. Только уродливую башку повернула и зубами зачем-то клацнула. Несколько вяло бродящих по округе мертвецов тоже ненадолго отвлеклись, но вскоре снова равнодушно отвернулись и побрели дальше, давая нам возможность осмотреться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.